

18+

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Может, встретимся завтра?

*"Худшее одиночество - это когда
человеку плохо с самим собой" - М. Твен*

АРЕМИД ШЕЛКО

Аремид Шелко

Может, встретимся завтра?

«Издательские решения»

Шелко А.

Может, встретимся завтра? / А. Шелко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983781-3

Находясь в сегодняшнем дне, мало кто задумывается о том, что случится завтра, через месяц или через год, но когда, наконец, наступает переломный момент — «Завтра» — становится ясно, что многое было просто упущено или даже не замечено. «Сегодня» — это своеобразное явление эгоизма, которому в определённой мере подвержен каждый человек и под действием которого он невольно забывает о самом простом... И по итогу каждый, вспомнив милые моменты былого, захочет спросить: «Может, встретимся завтра?»...

ISBN 978-5-44-983781-3

© Шелко А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Осталось ровным счётом ничего	6
Глава 2. Лишь пепел и обугленное письмо...	14
Глава 3. Соврал...	26
Глава 4. Близкие, но столь далёкие...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Может, встретимся завтра?

Аремид Шелко

© Аремид Шелко, 2020

ISBN 978-5-4498-3781-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Осталось ровным счётом ничего

Лето. Простое, обычное и тихое. В это время года у многих появляется очень много свободных часов, которые можно потратить на любимые дела. Правда, они, зачастую, становятся бессмысленными и скучными из-за расцветающего вместе с цветами желания погрузиться в что-то совершенно новое, чего никогда раньше не приходилось испытывать.

– Ну, мы приехали – сказал таксист, остановившись перед подъездом большого дома, выполненном в футуристическом стиле и насчитывавшем пятьдесят этажей.

– Да, спасибо – покинули меня раздумья, после чего я протянул водителю крупную купюру. – Без сдачи.

Он довольно странно посмотрел на меня. Как на последнего идиота, будто у меня не имелось малейшего представления о ценности этой разноцветной бумажки. В этом немного упрекающем взгляде была толика правды!

Я действительно не понимал ценности, но не этой бумажки, а кое-чего другого. Это непонимание и обесценивало всё остальное, что, в общем, внешне походило на щедрость. Но от неё здесь было лишь название, а смысл, который оно несло, просто отсутствовал.

В итоге мужчина взял купюру и положил в бардачок, отведя взгляд от глупого и наивного на вид парня в сторону.

Я молча кивнул и вышел из машины на свежий воздух. Летний зной делал своё дело – расслаблял тело и несколько туманил разум. В такую погоду невольно становишься ящерицей, обитающей где-то в пустыне – начинаешь предпочитать бодрствованию дремоту под ласкающими кожу солнечными лучами. Правда, судя по стущающимся тучам, скоро должен начаться дождь. К тому же сильный. Ливни всегда приносят с собой лёгкую и классную прохладу, которая в жару может сойти за вкусное и очень холодное мороженое. Также они приносят ещё и особую ауру, влияющую на каждого человека по-своему, но про эту особенность не принято упоминать, когда разговор идёт именно про погоду.

Я прошёл в подъезд и сразу же увидел влюблённых подростков, целовавшихся в углу. Высокий парень модельной внешности нагло и жадно кусал губы маленькой милой и необычайно хрупкой девушки, а также касался её линий, прикрытых лёгкой летней одеждой. Она же, обвив руками его шею, наслаждалась этой несколько пошлой нежностью. Ох уж эта падкость на смазливые лица...

Они даже не обратили на меня внимания, даже не постеснялись моего присутствия. А какое мне до этого может быть дело? Я же сам когда-то был таким... безрассудным в любви. Влюблялся чуть ли не в каждую встречную, которая хоть на маленькую каплю выглядела симпатично. Да, в стремительном ритме, задаваемом горячим юным сердцем, невольно забывается существование внутренней части человека, но лишь до той поры, когда она во всей красе заявит о себе. Прелестная наружность ужасно пьянит разум и туманит всякий взор, из-за чего появляются казусные и постыдные истории, препятствующие нормальному сну...

Наконец, лифт достиг сорок первого этажа и открыл свои двери. Мне тут же встретился очень занятой мужчина, разговаривавший по телефону, видимо, по бизнесу. Он зашёл в кабину и буквально вытолкнул меня из неё. Благо это был всё-таки нужный мне этаж.

Безусловно, можно понять этих несчастных людей, посвящающих всех себя заработку средств для беспечной жизни, – всё-таки эта безнадёжная погоня в буквальном смысле лишает их человечности и всяких чувств. За исключением чести, равняющейся в некоторой степени гордости, которая и не позволяет им начать служить кому-то или, другими словами, заставляет до изнеможения бороться за свой титул босса. Так уж сложилось, что люди меняются в далеко не лучшую сторону под влиянием власти и богатства. Хорошие качества постепенно пропа-

дают за ненадобностью, а плохие остаются и множатся. Социальная адаптация, с которой мне довелось однажды встретиться...

Я прошёл в длинный коридор, после чего подошёл к нужной мне двери с номером «576» и позвонил в звонок, имевший отвратный звук. Такая вот беда имеется у обладателей музыкального слуха – большая придирчивость к звукам.

Смею предположить, что придётся немного подождать, прежде чем она проснётся и встанет с кровати. Всё-таки от меня не звучало новости о возвращении. Да, с годами наглости у меня ничуть не убавилось! Мы же даже не общались толком последние несколько лет!

Прошло минут пять, не меньше, и передо мной открылась дверь. На пороге стояла моя сестра, прикрывавшаяся одеялом. Даже с учётом её сонного и невероятно уставшего вида, она выглядела очень и очень хорошо. Правда, это и не удивительно для молодой девушки, только преодолевшей отметку в двадцать два года. Под «только» подразумевается, что её день рождения прошёл уже как два месяца назад.

– Артём?! – удивилась Катя и протёрла глаза. – Ничего себе так сюрприз...

– Ага, это я, не плод твоей фантазии и не сон! Настоящий я! – промолвил я свою коротенькую речь, подготовленную заранее. Спикер из меня получился, прямо скажем, никудышный...

– Я и не говорю, что до сих пор сплю! – улыbnулась она и сделала пару шагов назад. – Ну, проходи, блудный брат! Родителей своих приездом обрадуешь вечером, они уже как час уехали на работу.

– Ожидаемо, ведь сегодня будний день – прошёл я в квартиру, не удивлявшую безумным простором, сравнимом с равнинным, или невероятно дорогим интерьером от лучшего дизайнера мира, вполне обычную, если не обращать внимание на то, что она расположена на пятидесятом этаже, одна стена является большим окном, а стиль мебели и всего остального представляет собой модный половинный футуризм.

– Проходи пока на кухню или в зал... я сейчас подойду! – сказала Катя и ушла к себе в комнату, которая когда-то была моей.

За пятнадцать лет здесь ничего не изменилось, даже расположение диванов, столов и кресел осталось тем же. Правда, вопреки привычному интерьеру, чувствовалось, что это вовсе не родной дом, а какой-то чужой, что здесь нет для меня места. Не знаю, с чего подсознание решило спрыгнуть на такое угнетенное настроение... хотя... у меня была одна маленькая догадка.

Тогда Кате совсем недавно исполнилось восемь, а мне, кажется, было четырнадцать лет. Пятнадцатый год – самый неуравновешенный и безумный возраст, из-за которого происходит бесчисленное число конфликтов, недопониманий и глупостей, рождающихся пылкостью юного сердца. В это время кажется, что весь мир направлен против тебя, что даже самые близкие люди не желают тебе счастья и ты совершенно один во вселенной. Под гнётом мыслей подобного характера невольно начинаешь искать прибежище своей душе в виде особенного человека, способного просто понять и проявить необходимую доброту. В таких людей влюбляешься с первого взгляда...

В тот день между мной и родителями случился очередной глупый скандал, в результате которого я сбежал из дома. В дождь. В холод. Ночью. Банальный поступок, уже давно ставший самым заезженным клише, банального импульсивного подростка. Мне было абсолютно всё равно, что могу заблудиться в городе или могу насмерть замёрзнуть, мне хотелось лишь убежать прочь.

Ноги привели меня на старый заброшенный мост, который находился чуть ли не на окраине города. К тому моменту сильная дрожь полностью охватила меня, и двигаться стало неве-

роятно трудно. И на фоне этого внутри началась борьба между желанием вернуться в тёплый дом и очень блеклой надеждой на то, что вот-вот произойдёт что-то радостное и светлое.

А на горизонте действительно происходило кое-что светлое – виднелся насыщенный рассвет с прекрасным огненным оттенком, ласкающим самые тонкие струнки души. Отчасти надежда оправдывала себя, но лишь отчасти, и поэтому от явления, заставляющего человека бороться до последней капли крови, существовало лишь слово, набор букв. Этот свет находился очень далеко, как какая-нибудь тихая гавань в самый ужасный шторм, как заветный оазис в центре обугленной пустыни.

Руки невольно тянулись к нему, безнадежно пытаясь коснуться хотя бы кончиками пальцев, пока дождь насквозь пробивал всё тело, постепенно разрушая рамки между миром подсознательным и миром реальным. В лёгком полумраке чудились хищные оскалы жутких демонических созданий и тёмные постепенно расплывающиеся в воздухе силуэты, которые являлись еле живыми частичками, почти забытыми осколками широкого зеркала. Они всего лишь наблюдали за бедным парнем, пытавшемся вспомнить слова той тихой песни, перепетой ни одним любителем и ставшей крошечным прибежищем для белых ворон с изумительным кроваво-красным цветом глаз. У них не было зла на уме, им не хотелось ломать ему кости и разум, всего лишь стояли рядом, чтобы как-то сгладить наигранное одиночество.

– Привет... – слышался робкий девичий голос со стороны. – Ты не замёрз? Стоишь тут... под дождём...

Я повернулся к ней, убрав упавшие на глаза мокрые локоны назад, и, как только увидел её замечательную улыбку – единственное, что не скрывал большой чёрный зонт, тут же отвёл взгляд в пустоту. Почему-то не хотелось видеть незнакомого лица, не хотелось искать в неизвестных глазах столь нужную доброту, а ещё... врать самому себе о том, что в них есть именно то...

– Нет... я не замёрз... – выдавил я из себя, вцепившись в холодные, даже, ледяные перила, проржавевшие насквозь.

– Не надо врать... я же вижу, как ты дрожишь! – сказала она и подошла поближе, чтобы зонт защищал не только её, но и меня.

– Зачем? – озлобленно спросил я, продолжая смотреть на тот далёкий свет.

Почему-то тогда в моей голове возникла мысль, совершенно противоположная всем тем, что приходили ко мне до этого. Она гласила, что теперь придётся справляться со всем самому, не ища доброты и понимания у прохожих. Казалось бы, ты хотел встретить простые человеческие чувства столько времени, а сейчас тебе буквально кладут их прямо на ладони – просто возьми и возрадуйся внезапному подарку. Но что-то внутри не даёт протянуть к ним руку, будто ничем не заслужил... или вовсе предал идеал, который двигал тобой последние несколько лет. Может, вторая личность, вырывающаяся из лап вечного сна, начала в бреду призывать к самоотверженной и героической жертве, а первая личность, ослабленная переживаниями и опустошающими ссорами, прислушивалась к этим наполовину разборчивым и, зачастую, бессмысленным фразам. «Увидев мёртвую пустошь, он стал мёртвым в следующую же ночь, и ожить не смог, даже когда оазис появился у его ног». Это всё равно что выпивать склянку с ядом, когда рядом бездыханное тело твоей возлюбленной. Да, Ромео?

Придавать всему происходящему вокруг романтические нотки – ещё один неисправимый дефект этого возраста. Это явление можно с одной стороны сравнить с чувством голода. «Если красивой истории не происходит рядом со мной, то я сам её нарисую» – так будет выглядеть приземлённый перевод моих мыслей, изложенных чуть выше. Но эта беготня не может победить ненасытность, она лишь ещё больше разыгрывает её. В результате перед глазами остаётся одна лишь немая пустота, в которой люди завуалированно просят почувствовать других в своих дешёвых драмах.

– Если помочь человеку, то мир становится чуточку добрее! – сказала она очень радостно.

Мы были абсолютно противоположны друг другу, как свет и тьма, солнце и луна, добро и зло. И каждый из нас искренне верил в необъятность своей стороны в силу наивности и подросткового синдрома, способного нарушить все законы природы.

Тем временем дрожь по всему телу не утихала, а лишь усиливалась. Сжимать ладони в кулаки было очень трудно, и также тяжело было шевелить пальцами, убирать с глаз мокрые локоны.

– Так бывает только в сказках... – усмехнулся я с очень ясной ноткой высокомерия в голосе. – Здесь ты можешь делать что угодно, но никогда ничего ты не сможешь изменить!

– А ты пытался? – спросила она и взяла мою дрожащую руку в свои тёплые болезненно-бледные ладони.

А пытался ли я вообще хоть что-то изменить тогда? Нет, просто сидел и, жалуясь на несправедливость вселенной, наблюдал за течением реки под названием «Жизнь». Было ли у меня тогда право проявлять ненависть к тому прекрасному дождю, играющему на струнках души, и милейшему свету, что пробуждал истому? Конечно, нет, так же как и к людям, которые действительно беспокоились за меня и хотели чем-то помочь.

И это именно тот момент, когда маленькому человеку открывается иной ракурс. Это не мир шёл против одного бедного паренька, а сам паренёк шёл против всего мира. Пускай он не всегда справедлив, но зато в нём всегда есть место для прекрасного, эстетичного и душевного. Главное, начать поиски, хотя бы попытаться.

Но мне тогда не хватило храбрости принять эту мудрость... да и сейчас местами мне также трудно находить радостное в печальном.

Я не помню, что ответил ей тогда. В принципе многого не помню о том дне: её наивных, детских советов, её монологов, отвлечённых от грустных тем, своих мыслей в то время, даже истинной причины, из-за чего произошла та ссора между мной и родителями. Сейчас мне легче сказать, что мы просто встретились в толпе, чем на полуразрушенном мосту, потому что верится больше в первое, чем во второе.

И это далеко не единичный случай, когда подсознание искажает воспоминания, делая вымысел более реалистичным, а отголоски реальности чем-то выходящим за рамки разумного.

Что я знаю точно, так это то, что пылкость моего характера сыграла в те времена со мной далеко не одну очень злую шутку...

А вот и та самая догадка – тяжело находиться там, откуда так много раз по юношеской глупости сбегал. Кажется, этот дом просто перестал быть для меня родным из-за этих побегов... К тому же меня здесь очень давно не было.

– Артём, а ты с чего решил приехать-то? – спросила вдруг Катя, вышедшая из своей комнаты. Теперь на ней вместо одеяла была домашняя одежда, которая также могла сойти за спортивную форму. – Я, конечно, ничего не имею против, но мы столько времени не общались, а тут, бац, и приехал!

– Соскучился по вам! – улыбнулся я и, отойдя от окна, подошёл к сестре, доставшей из холодильника диетический йогурт.

– Не думала, что ты можешь соскучиться по мне... – протянула она вдумчиво, сев на край стола. – Полюса на Земле поменялись что ли...

У меня действительно очень внезапно появилось желание приехать и повидаться с семьёй. Ничего не предвещало этого: не было гнетущего чувства одиночества, не было внутри пустоты, ощущения, что чего-то не хватает – мне внезапно захотелось прилететь в этот город, находящийся за несколько миль от моего дома, и встретиться с близкими.

– Неужели это действительно так странно? – сделал я удивлённое лицо и сел рядом с Катей, приобняв её.

Она посмотрела на меня пустым и безразличным взглядом. В этот момент её глаза показались мне не ярко-голубыми, дышащими птичьей свободой, а серыми и глубокими, как бездна или лимб. Когда лицом к лицу встречаешься с красотой человеческих очей, с их необычной и таинственной природой, невольно впадаешь в лёгкий транс, в котором начинаешь постигать высокую эстетику, поражающую до глубины души...

Катя была очень красивой девушкой с длинными русыми волосами, всегда собранными в хвост, и фигурой модели с очень нежными и выразительными линиями. Хоть внешне она и выглядела хрупкой, но зато с необычайной лёгкостью могла сломать человеку руку или банально дать обидчику по заслугам. Да, крайне тяжело поверить в то, что это милое и доброе создание с обворожительными контурами лица, издавело напоминающие скромную мордашку лисицы, может покалечить кого-то. Смею заверить, что это настоящая правда! Мне когда-то довелось получить от неё пару синяков!

Внезапно настроение её взгляда сменилось на доброту, и уголки её слегка пухленьких губ вытянулись в шикарной широкой улыбке.

– Ладно, если честно, то я очень по тебе соскучилась! – отложила Катя йогурт в сторону и обняла меня настолько крепко, что даже стало трудно дышать. – Как-никак дуэт «Шёлковые иголки» не может существовать, когда в нём всего лишь один человек!

– Ничего себе, что ты вспомнила! – невольно улыбнулся я, покраснев от смущения, наступившего из-за внезапно нахлынувших воспоминаний.

Несколько раз она приезжала ко мне в гости на летние каникулы, всё-таки мой город был намного лучше в плане уюта и ритма жизни, в особенности для подростка, которому просто необходима свобода в действиях. И однажды к нам пришла идея создать музыкальный дуэт и совершить самый настоящий «бум» в мире музыки. Ровно половину плана у нас получилось сделать, но до «бума» дело, к сожалению или к счастью, не дошло. «Шёлковые» исполняли свои композиции и песни в общественных местах: парках, вокзальных и подземных проходах, на оживлённых улицах в любую погоду, даже в дождь. Особенно в дождь!

– Можем продолжить нашу карьеру! – отстранилась она, легонько ударив меня в плечо, и посмотрела на меня точно так же, как тогда, в последнее лето...

Снова на улице бушевал дождь, сопровождаемый громом и молниями. Я стоял у окна на кухне и потихоньку, маленькими глотками пил свой горячий чай с молоком, а Катя тем временем собирала вещи в обратную дорогу у себя в комнате. Впервые за несколько лет в день её отъезда погода стояла ужасная, что наводило совсем не добрые мысли, отговаривавшие от поездки в аэропорт и, собственно, прощания. Хотя это можно было списать на затрагивающее внутренний мир влияние сильного ливня за окном.

– Я закончила собирать вещи – сказала Катя, зайдя на кухню, и села за стол, перед своей кружкой чая. – Как бы рейс не отменили из-за такой погоды... Не хочется сидеть несколько часов в зале ожидания!

– Обычно такие ливни долго не длятся, так что к вылету всё должно прийти в норму... – протянул я, повернувшись к ней.

– Придёшь на мой выпускной? – спросила вдруг она с весёлой ухмылкой.

У неё всегда получалось всего лишь за одно мгновение изменить настроение атмосферы с грустной на весёлую. И было абсолютно неважно, насколько сильной была печаль в её душе или в душах других людей, она в любом случае бесследно исчезала, будто никогда и не витала в воздухе.

– Неужели решила, что я буду танцевать с тобой под медлячок? – посмеялся я, сев на подоконник.

– Как по мне, это просто отличная идея! У меня же нет молодого человека, и вряд ли какой-то парень из класса или параллели решит пригласить меня, а ты никогда мне не отка-

жешь! К тому же мы смотримся, как пара, иде-аль-но, чему являются доказательством фотографии «Шёлковых иголочек»!

– Кстати, а чего это ты вдруг заговорила про выпускной? Просто до него ещё целый год, я, например, свой начал активно обсуждать только за месяц, как и готовиться.

Вдруг в её глазах сверкнула грусть, но очень маленькая, схожая со скромностью, робостью, обычной тоской. Она пододвинула большую кружку с чаем, разбавленным мёдом и молоком, и посмотрела на сам напиток, имевший очень приятный цвет, добрый, можно сказать. Затем её детский взгляд, в котором пылала искренность, скользнул на меня. Милая, красивая улыбка и не думала пропадать...

– Просто мне хочется, чтобы ты приехал к нам, а если не к нам, то хотя бы ко мне, на мой праздник. Без тебя я чувствую себя не в своей тарелке... даже дома, а с тобой... так легко, так хорошо! Иногда мне кажется, что лучше бы жила здесь, вместе с тобой, и училась где-нибудь поблизости...

Нет связи крепче, чем узы брата и сестры? Это правда, в мире не найти никого ближе сестры или брата, никого роднее и добрее. Когда мне плохо, она делает всё, чтобы на моём лице появилась улыбка и на душе стало легче, а когда плохо ей, я, в свою очередь, делаю всё, чтобы по её щекам стекло как можно меньше слёз. И расстояние в несколько миль – не помеха этому.

И самое прекрасное в этих узах так это их нерушимость. Даже после сотни ссор они останутся такими же крепкими и надёжными, душевными и искренними. А могут ли тем же самым похвастаться узы если не любви, то хотя бы дружбы с незнакомыми людьми, не входящими в узкий круг близких? На моём опыте, подобных связей ещё ни разу не было. Каждый где-то да пытался найти выгоду...

– Если так, то я обязательно приеду! – улыбнулся я и, сев рядом с Катей, приобнял её. – Обещаю!

Она приняла объятия и прижалась ко мне. В такие моменты внутри меня пробуждалось чувство ответственности. Нет, не из-за обещаний, а из-за своего положения старшего брата. Я должен был защищать её, помогать ей, а ещё направлять, если вдруг заблудится в нашем огромном мире. Из-за этого чувства мне становилось тяжело отпускать её, но ещё труднее – прощаться на довольно долгое время. Пожалуй, так и проявляется любовь брата...

А если тебе так страшно, то почему ты просто не отправишься с ней, домой? Не знаю. Может, где-то глубоко, в замке моей души укоренилась идея, что меня там не ждут и мне там не рады. Страшно как-то становится, когда думаю о возвращении... К тому же дождь всё не утихал...

– Скажи, а почему ты сказал маме с папой, что больше никогда не приедешь? – вдруг спросила она полушёпотом...

Это был ещё один вопрос, на который у меня не было ответа. Или он всё-таки был, просто я забыл его, ведь прошло так много времени с того дня. Чёрт знает, сколько именно...

Пробка, растянувшаяся на всю дорогу к аэропорту, час дня, ливень заливал окна машины, создавая ощущение того, что всё вокруг тает, в прямом смысле этого слова. По радио весёлые и забавные ведущие вели свою развлекательную программу, после которой всегда начинается очередная прокрутка новых классных треков и нескольких старых, ещё не вышедших из моды. Обстановка чем-то походила на атмосферу новоиспечённых детективов, в которых, как правило, преобладали тёмные тона и какая-то недосказанность, сопоставимая с дешёвой интригой в виде застоя. И с чего я вдруг вспомнил про детективы? Похоже, невольно заболел недавно начавшейся моде на интерактивное кино...

Катя сидела рядом и внимательно смотрела в окно, наблюдая за стекавшими вниз рекой каплями дождя. Интересно, о чём она думала? Может, в её голове вовсю шёл процесс рождения

текста для новой песни под издательством нашего молодого дуэта... может, просто смотрела... не думала ни о чём...

– Какая же большая пробка... – протянула Катя и, сняв кроссовки, прижала ноги к себе. – Так ведь можно и на рейс опоздать!

– Не переживай, обычно перед посадкой приходится ещё часа два-три простоять в очереди, так что времени у нас целый вагон... – чутка размялся я и лёг на руль. А ведь количество стоящих машин действительно поражало...

– Ты вечный оптимист! – посмеялась она и чутка расслабилась, посмотрев на меня. – Тебя не исправить!

– Правда? И в каком же месте я являюсь оптимистом? – появилось на моём лице удивление.

– Всегда у тебя всё произойдёт так, как оно должно произойти! Не припомню такого, чтобы ты говорил, что что-то пошло наперекосок твоим ожиданиям и планам! Может, научишь меня этой магией управления миром?

Я не смог сдержать смех. Подумать только, жуткая реалистка говорила о волшебстве! Пожалуй, с таким мне ещё долго не предстоит встретиться!

– Чего смешного? Я совершенно серьёзно! – рассмеялась Катя сама.

– Только ты можешь рассмешить в такую скуку! – откинулся я на спинку кресла и посмотрел на неё.

И с этой реалисткой, способной по щелчку пальцев менять настроение атмосферы в абсолютно любое время, нужно было прощаться. И тогда мне стали понятны её чувства, понятно, почему ей хотелось остаться со мной. По крайней мере, так показалось...

Она, заметив изменения в моём взгляде, лёгонько ударила меня в плечо своим кулачком и широко улыбнулась. «Если мне станет грустно, то ты заставишь меня улыбнуться!» – мелькнуло в голове. Так мы же ещё прощались не навсегда... я же обещал, что приеду на её выпускной!

– Эй, ты чего завис! – сказала Катя довольно громко.

– А, прости, задумался!

Что-то меня действительно потянуло к воспоминаниям, размышлениям. Странно как-то это всё, раньше я вообще относился ко всему очень и очень просто, без всяких заморочек смотрел на мир. Можно сказать, жил и наслаждался жизнью, чего мне не удавалось в юности, детстве. А почему мне не удавалось? Ну, было много причин... сейчас и не вспомнить... Ха, неужели старость сказывается!

– Эх, похоже, ты совсем уже старый стал! – посмеялась она. – Раньше ты был более активным что ли.

– Да и деловитости прибавилось за последние несколько лет... – протянул я, улыбнувшись. – Ну, рассказывай, как у тебя дела? Что нового случилось? Как на личном фронте?

– Да всё хорошо! Достойных претендентов на моё сердечко я так и не нашла, а если и находила, то они были очень странные... А из нового только то, что заканчиваю университет. Такие дела – ответила Катя, съев последнюю ложку йогурта. – Что насчёт тебя?

А мне и говорить было особо нечего. Работа, дом, работа, рестораны, работа, пабы, редкие свидания с незнакомками, знакомство с которыми заканчивалось на следующее же утро. На фоне той обыденности я хотел найти кого-то близкого, но каждый раз – неудачно. Неужели это стоит рассказывать? К тому же в мои планы, которыми вечно делился с ней, не входило погружение в работу.

– Всё отлично. Несколько раз летал на моря, ходил на все крупные концерты – не сидел на месте, в общем. Успел заняться саморазвитием: книги, онлайн-лекции больших спикеров,

хобби. Немного скудно! – удручённо вздохнул я, осознав, что ничего толкового не получается придумать.

– Ты всегда описывал всё очень просто и скудно, но, зная тебя, я понимаю, что ты время зря не терял! Наверное, уже нашёл себе невесту! – посмеялась Катя и встала напротив меня, скрестив руки на груди. – Думаю, что так и произошло, иначе бы наше общение не закончилось так резко!

– Нет-нет-нет! – появилась на моём лице улыбка. – Никого у меня не получилось найти. Большинство девушек просто... какие-то не такие. Да, местами что-то тянуло меня к обворожительным красоткам с длинными ногами и откровенными платьями, но после первого же разговора тянуть переставало. Возможно, что мой тот роман с Элей слишком сильно задрал планку требований! Всё-таки человек, находясь в поисках своей половинки на веки-вечные, ориентируется по опыту первой любви!

Внезапно лицо Кати переменилось. Уголки губ чуть упали, и её улыбка стало едва заметной, а глаза начали бегать по сторонам. Это были явные признаки тревоги. Спустя лишь пару мгновений тревога окутала и меня, так как речь шла об Эле, моей первой возлюбленной. Недосказанность в воздухе неумолимо расширяла спектр эмоций, подготавливая к шокирующему ответу. Что-то произошло, и это что-то имело далеко не добрый характер, и она знала, что именно.

– С ней что-то произошло? – спросил я сквозь зубы, еле-еле подняв глаза на Катю.

– Она умерла – опустив взгляд, коротко сказала она.

Через минуту Катя посмотрела на меня, чтобы увидеть мою реакцию на это далеко не хорошую новость. А я и сам не знал, что испытывал...

Глава 2. Лишь пепел и обугленное письмо...

Побеседовав с Катей ещё немного, я вышел на улицу, чтобы прогуляться и проветриться, так сказать, обдумать её горькие слова и принять их. Да, мне было жутко тяжело, ведь с Элей было связано очень много воспоминаний, в основном счастливых и добрых, которые при малейшем их упоминании заставляли меня широко улыбаться и вставать на ноги даже в самый трудный и ненастный час. Как-никак именно она взяла роль моей первой любви или... влюблённости. Но мне крайне не хочется называть её какой-то жалкой влюблённостью, ведь между нами не было никакой наивности, свойственной неопытным парочкам.

Её смерть внесла в действительность диссонанс, из-за которого стало трудно воспринимать их за своё прошлое, но легко – за вымысел, очередную мечту, выраженную на страницах тайного дневника. И на плечах появилось ощущение, что что-то теряется и что-то важное уходит во мглу, куда нет мне входа. Может, я просто не хотел прощаться? Может, не хотел принимать слова своей сестры за правду? Пожалуй, примерно так себя чувствуют люди на похоронах...

Это загадочное явление можно сравнить с постепенным забвением. Или с резким пробуждением ото сна – не понимаешь, что происходит, так как сновидение буквально вылетело из головы, мгновенно. Ты не успеваешь моргнуть, как оказываешься в совершенно другом месте... другой вселенной! И есть два выхода: либо попытаться уцепиться за один крошечный кадр, несколько повреждённый, и пронаблюдать за вновь раскрывающейся картиной, либо оставить его позади и проснуться. Жизнь продолжится в любом случае, но только в первом в твоей руке постоянно будет карманный фильм, который никогда не сможет надоесть. Что же касается жанра, то он зависит напрямую от человека. У меня же была чистая романтика... драма... с печальным концом.

Начало фильма. Старая школа со скучными стенами, кабинетами и окнами. Из последних можно было лицезреть другое скучное и унылое явление – пасмурность, предвещающую о скором дожде. А не много ли в моей жизни было дождя?

Прозвенел звонок, и дети вышли из классов в большой и просторный коридор. Все собрались в группы по интересам и начали обсуждать начатую на прошлой перемене тему. А главный герой, то есть я, стоял в стороне и наблюдал за происходящим. Мне было просто не с кем разговаривать, не с кем дружить. Маленький и скромный паренёк, оперевшись спиной о стену, пребывал в состоянии невидимости для людей, лица которых он не мог видеть в силу своего мировоззрения. Их закрывал красный крест, не дававший вспомнить как имя человека, так и его роль. Своеобразное обречение на одинокое существование. Очень грустно, не правда ли?

Но в этой беззвучной, безголосой толпе находились единицы, способные обойти этот барьер, созданный сознанием героя, кажется, ненавидевшем себя. В школе был лишь один человек, обладавший этой силой, благодаря которой ей удавалось, так сказать, существовать в маленькой вселенной главного героя. Да, это была она, красивая и энергичная девушка по имени Эля, простая и по-своему чудная, местами даже слишком добрая. Но даже так он оставался незаметным, полностью невидимым, будто не существовал вовсе. Может, он сам на себя надел тот крест?

Четыре часа и тридцать минут вечера. Парк. Шёл дивный и тёплый дождь, добавлявший некоторым цветам насыщенности. Например, траве, ярким вывескам, неоновым надписям на домах и, конечно, свету. Спокойная атмосфера расслабляла, позволяла дышать легко и не думать о мирских проблемах. Вместо приземлённых мыслей в его голове расцветали философские идеи, на глазах обраставшими загадочными и глубокими метафорами.

В то время моя душа сильно верила в существование призраков, Богов и прочей магии, а также она болела особой чувственностью и ранимостью, свойственным для подверженных подростковому синдрому. Отсюда и исходила философичность характера и большинства мыслей. А также – вера в собственное бессмертие. Забавно, что в итоге то, что должно быть по своей природе бессмертными, со временем погибло. Прискорбно. Иронично. Даже слишком иронично...

И вдруг мне захотелось прогуляться по моему любимому парку. Правда, он стал любимым для меня только из-за неё, из-за Элины, которая в любую погоду умудрялась вытащить меня из дома на прогулку по красочным живым аллеям, поражающим ещё наивное и слишком живое воображение. Если мне не изменяла память, я, гуляя по ним, думал не только о смысле бытия и тайнах вселенной, но и о ней, такой же прекрасной, как и тропы созданных природой аллей. Экзистенциальный кризис сменился влюблённостью... Правду говорят, что любви по силу горы свернуть!

А дождь всё лил и лил. Небеса окончательно омрачились, став подобием сердитого божественного лица. И кто же на Олимпе был сейчас недоволен? Хотя на десятитысячную ложь, произнесённую на закате дня, может обидеться кто угодно...

– Артём, ты ли это? – послышался очень знакомый голос позади. Эти нежные и красивые, признаюсь, было тяжело не узнать...

Я остановился и повернулся, подняв взгляд с узора тропы, смиренно лежавшей под ногами. Передо мной стояла Элина, укрывавшаяся под зонтом от жуткого дождя. Она улыбалась, и улыбалась мне. Пожалуй, это была единственная хорошая вещь, произошедшая за сегодня. Но до конца дня оставалось ещё около семи часов, так что времени было достаточно для того, чтобы случилось что-то доброе.

– Ну, да... это я... – невольно протянул я вполголоса в очень меланхоличном тоне. – А что такое?

– Нет, ничего, просто это немного странно и удивительно встретить одноклассника в парке, когда на улице такая ужасная погода! – промолвила она своим мелодичным и чарующим голосом.

– Да, погода не совсем радует, но даже так нельзя отрицать тот факт, что в ней есть очень много эстетичных сторон. Думаю, кто-то наверняка сейчас делает фотографии на профессиональный зеркальный фотоаппарат, чтобы отправить их на конкурс или пополнить ими свой альбом.

– А ты, значит, ценитель искусства? – на её милом, частично детском личике появилась волшебная улыбка.

– Не сказать, что я прям увлекаюсь искусством, но иногда предпочитаю остановиться на минутку и вдоволь насладиться им.

– Мне больше нравится не дождь, а необъятное небо с ярким солнцем и причудливыми облаками. Особенно на закате! Я, если мне повезёт застать такое небо на исходе дня, невольно забываю про ход времени!

Тогда мне повезло узнать, что у нас были схожие интересы, хоть и в совершенно противоположных сферах. Меня привлекала бесконечная грусть и тоска, а её – радость и свет. А ещё тогда я узнал, что в школьной форме отдалённо напоминал ей Константина...

И вдруг появилось сильное желание вновь пройти по тем аллеям, по нашим местам, в которых оставили частички друг друга. Оно вытеснило все прочие мысли из головы, полностью заполнила разум. Мне не осталось ничего другого, кроме как отправиться туда. Это можно было считать за прощание... Пускай так и будет. Если я не попрощаюсь хотя бы таким

странным обрядом, то просто оскорблю её. А ведь однажды она услышала из моих уст обещание о том, что никогда не забуду её... Не поздно ли вспоминать?

И снова ноги вели меня по длинным оживлённым улицам, на которых в далёком прошлом слушал самую разную музыку, представляя окружение в выгодном себе ключе. Под один тип треков люди становились монстрами, косо посматривавшими в мою сторону, под другой целые здания начинали танцевать, окружая себя неоновыми линиями и надписями, а под самый мой любимый жанр за моей спиной вырастали огромные белые крылья, и я даже мог летать! Но, к сожалению, до небес не долететь за жалкие три минуты. Упав в сотый раз до меня дошло, что лучше вдоволь насладиться полётом на малой высоте, чем пытаться дотянуться к недостижимому. Находилась ли в этом какая-нибудь философичная истина? Кто знает, в моих ушах звучала обычная музыка, а не шла конференция великих мыслителей во главе с Платоном и Аристотелем.

В этом кафе с милой и красивой вывеской «Little loft» я предпочитал перекусывать перед походами к репетиторам. Иногда мне доводилось встречаться там с одноклассниками, обычными знакомыми и даже недоброжелателями. Нет, с последними стычек не случилось, но злые взгляды, полные чистого презрения, присутствовали. И почему они так плохо относились к парню, который просто меланхолично ходил рядом, думая о своём. Он же ничего не сделал...

– О, Артём, ты ли это?! – послышался удивлённый голос спереди. – Ты так сильно изменился с выпуска! Я тебя узнала только по твоей татуировке на правой руке! Ты её в одиннадцатом классе сделал!

Слышал ли я его когда-нибудь до сегодняшнего дня? Трудно сказать, так как лица большинства людей в моих воспоминаниях скрывались за красными крестами. Интересно, а почему они пропали?

А окликнула меня девушка с уставшим и сонным лицом, длинными волосами голубого цвета. Присутствовали некоторые украшения: септум, два пирсинга на виске, а также линзы, изменявшие её радужку под стать аквамарину или лазури моря. Думаю, даже если бы не существовало того барьера в виде крестов и в те годы хорошо общался бы с ней, я в жизни не вспомнил бы её. Но, стоит признать, острые черты лица, маленький и аккуратный носик, слегка розоватые губы с немного опущенными уголками были весьма привлекательны.

Стойте, а ведь в параллели была одна особа, любившая нестандартный цвет волос и цветные линзы... И мне доводилось довольно часто общаться с ней.

– Извини, Марин, я тебя не узнал! Ты тоже очень сильно изменилась! – промолвил я, широко улыбнувшись.

– Ах, да, я начала увлекаться пирсингом, так что... – повела она плечами, чуть-чуть покраснев. – Но ты – совершенно другое дело! Сложно поверить в то, что человек может настолько сильно измениться. Скажу, пожалуй, банальную вещь, но ты стал не просто парнем, а самым настоящим мужчиной, вырос, если выражаться простыми словами!

– И это тоже, спасибо! – пробило меня на смех.

Да, в школьные годы я не отличался высоким ростом, который благодаря гласу медиа является чуть ли не эталоном мужской красоты. Странный факт, попавшийся мне на глаза ещё давно: некоторым девушкам просто плевать что на внутренний мир, что на грубую наружность, но вот рост – другое дело! Конечно, не мне осуждать чужие вкусы и предпочтения, но разве не глупо цепляться за подобную мелочь? Эх, и с чего эти мысли решили посетить меня...

– Так ты сейчас куда держишь путь? – спросила Марина, поправив непослушные голубые локоны, упавшие ей на лицо из-за лёгкого ветерка. Романтичненько вышло, ничего не скажешь!

– Иду в парк, что находился рядом с нашей школой. Дело в том, что я совсем недавно прилетел из другого города, и мне захотелось посетить все мои любимые места, в которых

в детстве частенько проводил время. А ты куда шла? – спросил я чисто для того, чтобы не показаться грубым. Чистая формальность.

– Я просто прогуливалась в гордом одиночестве! – широко улыбнулась она. Обычно так говорят те, кто скрывает от посторонних свои больные места. Мне это было знакомо не понаслышке. – Можно составить тебе компанию? Извини, что навязываюсь, просто очень хочется узнать, как у моего старого школьного друга сложились дела!

Всегда ли она была такой оживлённой? Всегда ли проявляла такую общительность и такое неподдельное дружелюбие? Если мне не изменяла память, то Марина всегда сама начинала разговор. По крайней мере, когда мы вместе занимались школьным проектом по физике, она первая заговорила со мной. Имеется в виду не просто заговорила, а заговорила именно на отстранённые от науки темы. Сказать честно, тогда меня это даже удивило... но будет глупостью отрицать то, что я был рад этому. Забавно, и сейчас во мне расцветала подобная радость...

– Буду только рад поболтать! – ответил я с лёгким вздохом и слегка призадумался. Можно ли поделиться с ней своим переживанием? Своей бедой? – Правда, сейчас я немного грустный...

– Из-за чего же, если не секрет? – тут же поинтересовалась она. У неё была привычка помогать каждому, и было совершенно неважно связана проблема с домашней работой или безответной любовью.

– Катя рассказала мне про то, что случилось с Элей.

Марина, как никто другой, прекрасно знала моё отношение к ней. К тому же она, можно сказать, являлась свидетельницей нашего с Элиной романа. Никто не сможет понять меня лучше неё...

– Снова ты задумался! – послышался мелодичный голос Эли. Он частенько доставал меня из глубоких раздумий, а ещё... пробуждал... Странно, что я так и не начал слышать его в своих снах.

– Ах, да... прости... – слегка поднялись уголки моих губ, изобразив таким образом лёгкую улыбку.

– Это же какая идея укусила тебя, Константин, что ты каждые пять минут начинаешь смотреть в пустоту? – посмеялась Эля, сделав маленький глоток чая.

И почему она до сих пор продолжала называть меня именем знаменитого экзорциста и борца с созданиями преисподней? Да и из общего у меня с ним был только строгий костюм чёрного цвета и белая рубашка. И ещё, возможно, причёска отдалённо напоминала его. Не мало ли сходств для того, чтобы говорить о нашей схожести? И это не похоже на сравнение напитков по вкусу, всё действие происходит будто бы на поверхности или вовсе на высоте в десять-двадцать метров! Быть может, ей просто нравилось называть меня таким образом.

Что-то часто в последнее время за окном льёт дождь. Вот он и наводит на меня соответствующую атмосферу и соответствующие мысли. Дождливую и угнетённую! – вздохнул я и откинулся на спинку удобного стула.

Мы находились в уютном кафе с довольно интересным и необычным названием. Вызывала интерес, как оно, пожалуй, и без уточнений понятно, не только внешняя часть, но и внутренняя – интерьер, имевший только яркие нежные тона, напоминал на зону отдыха в какой-нибудь галерее современного искусства из-за стен, усеянных абстрактными и просто забавными позитивными картинами. Также в общий стиль, полностью связанный с абстракциями, вписывался бар, где, собственно, и делались все заказы. Тут и становится понятно, что это заведение является кафе отчасти. Но объясни это людям, которым намного проще называть его простым словом «кафе», а не сборной солянкой из слов «паб», «бар» и «кальянная». Да и атмосфера соответствовала кафешке в треугольном здании на краешке улицы, а не знаме-

нитом месте для вечерне-ночного времяпровождения. Да, только я умею загибать так с описаниями! Начинать одной стороной, а потом находить абсолютно не гармонирующую с ней и расписывать уже её!

– Шучу... просто внезапно задал себе банальный и глупый вопрос: «Почему мы вечно одиноки?» – сказал я осмотрев других посетителей. Подавляющее большинство людей сидело по-одному и занималось своими делами: работой на ноутбуке, чтением книги, записями в тетради, смотрением в пустоту, что можно было назвать пребыванием внутри себя, среди своих мыслей. – Идея заключается в том, что сколько бы нас не окружало людей, мы все равно остаёмся в чём-то одиноки. Не во всём, конечно, но всё же. И с этим ничего не поделаешь!

– И ты думал об этом, смотря на частички чая в своей кружке? – удивлённо нахмурилась она, продолжая улыбаться.

– Да, ведь мы пьём чай, когда нам хочется тепла, а тепло – это для человека самый настоящий уют, а уют, в свою очередь, обычно пробивает человека на душевные разговоры. Тут и появляется одиночество, о роли которого я только что и размышлял.

Тем временем дождь барабанил в окно. Кажется, уже в четвёртый раз в моём важном воспоминании имеется непогода? Забавно, даже очень! В то время я и не догадывался о том, что в этих каплях, стекающих по окну может быть столько чувств, эмоций, даже тайн. Тогда для меня они несли только грусть и лёгкую печаль, а ассоциировались с прислонившейся к стеклу девушкой, сидящей на подоконнике, и по щекам которой пробегали горькие слёзы. Сейчас же моя душа чувствует всю глубину дождя, весь спектр эмоций, который он дарит, и способна даже легонько улыбнуться ему. Кажется, мы с ним просто стали лучшими друзьями, знающими о друг друге совершенно всё.

Глупый был, нечего сказать. Тогда многое прошло мимо моих глаз, даже следы её чистой любви ко мне, хотя временами она чуть ли не прямым текстом говорила мне о своих настоящих чувствах. Помнится, когда я спел и сыграл для неё на гитаре очень романтическую и красивую песню, Эля чмокнула меня в щёку. Очень нежно, ласково и мило! Но мне почему-то, даже с учётом этой характеристики, ввела в голову мысль, что это был не более чем дружественный жест, хотя явных причин думать в таком ключе у меня не имелось! Наверное, это просто особенность моего и без этого странного характера...

Стоит признать, Элина обладала огромной и очень сильной волей, не позволявшей ей отступить даже на миллиметр, поэтому она толком не заикливалась на моей наивной холодности в самом начале наших отношений, довольно быстро перешедших во что-то очень сложное, чего, как мне казалось в то время, никогда со мной не произойдёт.

– Как же всё сложно с тобой! – посмеялась Эля, и в этот момент за окном промелькнула молния и прогремел гром. – Никак не могу перестать удивляться тому, что у тебя на ровном месте может появиться сложная философская мысль!

В этот момент атмосфера в кафе резко изменилась. Посетители стали тише, а в колонках начала играть медленная легкая музыка, написанная просто с душой, с любовью. Не знаю, было ли это подстроено или является совпадением, но песня была именно про океаны. Это выглядит очень странно, если учитывать то, что спустя столько лет наши недоотношения, происходившие в то время, я начал ассоциировать с океанами.

Её взгляд скользнул вниз, края милых губ чуть опустились, вобрав в себя вдумчивость. Она что-то хотела мне сказать, но боялась, сомневалась, а я, сидя прямо перед ней, этого не видел. И как такой бесчувственный человек мог хотеть писать классную музыку? Эля, поправив непослушные локоны, медленно и очень нежно провела пальцем по краю стакана, а затем...

– Артём, ты мне нравишься, как парень. И... кажется... я люблю тебя...

Я помню тот день, как будто он был только вчера. Но на деле прошло около двух десятков лет, за которые та фраза, произнесённая красивым тонким голоском, удивлявшим своей мело-

дичностью, обогнула планету не один раз. Если прислушаться, то можно услышать её вновь, а если остановиться, на мгновение закрыть глаза и открыть их через несколько минут – оказаться в том дне в качестве зрителя. Всё равно что смотреть сериал...

И с ней больше не поговорить об этом, остаётся только трепетно беречь эти воспоминания. Как жаль, что их нельзя превратить в какой-нибудь диск...

– О чём думаешь? – спросила меня Марина, оторвав от просмотра прошлого.

– Вспоминаю, как мы с ней познакомились, как впервые встретились, как впервые поцеловались... – ответил я, проводив взглядом прошедшую мимо влюблённую парочку. – Только не надо о том, что прошлое не вернуть. Всё мы об этом знаем, всё мы понимаем... Надо просто попроситься...

– Вы с ней так и не встретились после того дня, когда решили расстаться... – тяжело вздохнула она, подперев подбородок рукой.

И сейчас мне было очень жаль, что упустил шанс ещё один раз прогуляться с ней по этим аллеям. Так бывает в жизни – начинаешь бегать во все стороны, когда уже слишком поздно и ничего не сделать. Не обдуманно моргнул, и бесценный момент бесследно исчез, оставив довольствоваться тусклым, блеклым эхом самого себя.

– «До завтра...» – сказала Эля тогда, но на следующий день я так и не написал ей, а она – мне. Странно вышло... – промолвил я, стиснув зубы, и разлёгся на мягкой зелёной траве, закрыв глаза.

В такие моменты хочешь – не хочешь, но в любом случае сливаешься с природой. Ветер подхватывает твои мысли, твоё сознание и уносит их далеко-далеко, звук листвы, пения птиц, шороха травы заполняет внутренний мир первозданной гармонией, дарующей ясность и прозрение, а прикосновения тёплых лучей расслабляют тело и даруют душе безмятежность.

– Мне безумно нравятся твои светлые волосы! – прошептала Эля очень нежно и ласково.

Я открыл глаза и увидел далеко не её. Надо мной стояла Марина, которой, наверное, уже надоело вспоминать вместе со мной мой роман. А ведь мы изначально хотели распрощаться друг друга о том, куда нас занесла Чертовка-Судьба, что нам удалось сделать за то время, а что не удалось. Грубо, Артём, грубо...

– Прости, я опять задумался! – посмеялся я, протерев ладонью слегка уставшие от солнца глаза, и медленно перевёл себя в сидячее положение. – Просто очень тяжело признать то, что такого близкого и дорогого человека больше нет в этом мире...

– Понимаю, – промолвила Марина и села рядом, – мне тоже очень грустно из-за этого. Как-никак с ней связаны почти все мои воспоминания! Детский сад, школа, частично университет – везде и всегда вместе, лучшие подруги...

– Она рассказывала мне о том, насколько вы в детстве были дружны, а ещё как дурачились и играли.

– Славное было время, беззаботное! Мы не подходили не под один шаблон маленьких девочек: не горели желанием получить новую куклу или розовое платье, не играли в принцесс, не болели культурой волшебных миров – мы предпочитали примерять на себя роль супергероев!

Об этом тоже Эля рассказывала мне, и рассказала во всех подробностях, благодаря чему мог без особого труда представить во всех красках те деньки, даже отправиться туда и стать зрителем в первом ряду тех прекрасных, но иногда грустных историй.

Было очень солнечное летнее утро. Приветливые лучи света украдкой пробирались в комнату через одну-единственную щёлочку между закрытыми шторами, которые потихоньку колыхались по велению лёгкого ветерка, проходившего через приоткрытое окно. Маленькая

Эля нежилась под тёплым одеялом, наслаждаясь прекрасными сновидениями, что подарил ей Морфей.

Но внезапно шторы резко распахнулись, и яркий утренний свет упал ей прямо на глаза, разогнав остатки сказочного сна с эльфами, принцессами, рыцарями и, конечно, внушающими ужас величественными драконами.

– Просыпайся, доченька! Пора вставать! – сказала мама и подошла к кровати Эли, после чего аккуратно села на край и чмокнула её в щёку. – Просыпайся, а то пропустишь завтрак!

– Ну, мам, дай мне нормально поспать! – начала отмахиваться девочка. – Я хочу досмотреть свой сон!

– Эль, на дворе уже одиннадцать часов, а ты ещё спишь! Так же можно целый день пропустить! Ладно, ты пока просыпайся, я буду ждать тебя на кухне – ласково промолвила мама, после чего вышла из комнаты.

Эх, если бы взрослые хоть иногда да видели такие же сны, какие видят маленькие детишки в возрасте десяти-одиннадцати лет, то, пожалуй, они бы разрешали своим чадам провести в стране грёз Морфея чуть больше времени. Но, к сожалению, волшебство в их жизни давным-давно закончилось, и из-за этого им временами трудно понять тех, кто встречает его всегда и везде.

Внезапно Элю осенило, хотя трудно назвать озарением мысль, мирно проплывавшую мимо, но она всё-таки подтолкнула её к пробуждению. «Одиннадцать часов. А встреча с подругой ровно в час. Это получается, что через два часа я должна приехать к ней» – мысленно проговорила девочка очень медленно и сонливо. Спустя секунду до неё, наконец, дошло, что могла очень сильно опоздать. Она силой воли отбросила сон в сторону, после чего резко встала с кровати и принялась в сильной спешке собираться.

Да, у неё были некоторые проблемы с тем, чтобы успевать вовремя, и это распространялось не только на встречи с друзьями, но и на школу, дополнительные занятия и работу по дому. Эта вечно весёлая и игривая девочка постоянно ничего и никуда не успевала, хотя её мама славилась своей пунктуальностью как в семье, так и на своей работе. Иногда дети «слегка» не похожи на своих родителей!

– Мам, почему ты меня не разбудила?! – возмутилась Эля, пройдя на кухню и взяв свой завтрак, который уже начал остывать. – Я так могу опоздать к Марине в гости!

– Милая моя, я пыталась, но ты постоянно отмахивалась! – посмеялась Мама и положила на тарелку своей дочери хлеб с арахисовой пастой и кусочками банана – любимый десерт Элины. – Ничего страшного, ты успеваешь, так что не торопись и позавтракай хорошенько!

Но разве может человек, приходивший вовремя лишь по самым важным праздникам, то есть очень редко, принять эти слова? Конечно, нет! Эля так сильно торопилась, будто опаздывала на собеседование в самую богатую компанию мира или... на спасение мира, которому нужен герой!

Закончив с очень сытным завтраком, в который входил её любимый десерт и омлет с ветчиной и сыром, она побежала на улицу, конечно, не забыв надеть свой супергеройский костюмчик, состоявший из милой шапочки-маски красно-жёлтого цвета и плаща с точно такой же расцветкой и молнией по центру. Эля помчалась через дворы, усыпанные бриллиантовой росой, к нужной остановке, параллельно здороваясь со знакомыми старушками, дедушками и ребятами, с которыми иногда играла.

Наверное, вряд ли найдётся среди этих старых домов человек, который бы не знал об этой девочке, любящей примерять на себя роль героя комиксов. Она всегда приходила на помощь, всегда разрешала все конфликты, всегда улыбалась и сеяла добро. По детским меркам это и значит быть супергероем! Правда, к сожалению, когда-нибудь да попадутся юному голосу справедливости ситуации, в которых не достаточно наличия желания помочь или спасти.

Буквально за следующим переулком компания, состоявшая из трёх парней и двух девушек, издевалась над своим сверстником из-за того, что у него был нестандартный, малиновый цвет волос. Маленькая героиня, не впадая в долгие раздумья, тут же направилась в их сторону.

– Что плохого он вам сделал?! – крикнула она, когда до них осталось пара метров. – Неужели нельзя разрешить всё словами?

– О, смотрите, ещё один фрик! – выкрикнула девушка, имевшую азиатскую внешность. – Девочка, ты не заблудилась случаем?

– Я пришла как раз туда, куда должна была прийти по своему долгу супергероя! – гордо промолвила Эля, встав в героинскую позу.

Но ребята вовсе не испугались, а все вместе, в один голос рассмеялись. Для них уже давно не существовало ничего фантастического, как и героинского. Может, они выбрали для себя чёрную дорогу злодеев и негодяев, от того и было им смешно при виде тех, кто выбрал дорогу справедливости и добра.

– Отпустите его! Хватит над ним издеваться, он же ничего вам не сделал! – крикнула Эля и сделала пару маленьких шажков в её сторону, тем самым значительно сократив расстояние. – Разве это нормально так издеваться над человеком?

– Сгинь отсюда! – грозно сказал один из парней тому юноше с малиновыми волосами, отпустив его, после чего тот убежал прочь. – Ну, что наш дорогой супергерой, как планируешь отстаивать свою справедливость? – сделал негодяй два шага по направлению к ней и, как только оказался на расстоянии вытянутой руки, присел на корточки, чтобы быть с ней на одной высоте.

– Герои всегда побеждают зло! Ты что, не знал?! – рассмеялась девушка с азиатской внешностью.

После этой насмешки Эля замахнулась и ударила парня по челюсти. Если бы они находились какой-нибудь ролевой игре, то в тот момент выскочила бы надпись «нанесено 0 единиц урона».

Он немного покачал головой в знак понимания, после чего схватил девочку за её плащик и жестоко сорвал его.

– Отдай! – тут же крикнула она, начав тянуться к своей вещи.

– Нет, не отдам, я лучше проучу тебя! – твёрдо сказал парень и принялся рвать на кусочки этот плащ, являвшимся маминым подарком Эле. Ей оставалось только наблюдать...

Превратив незаменимый элемент образа супергероя в клочья, он бросил остатки перед девочкой, а затем ушёл вместе со своей компанией в неизвестном направлении. Пожалуй, тогда Элина впервые поняла, что герои не всегда побеждают, что добро не всегда одерживает верх над злом. Но может ли наивное детское сознание принять этот, мягко говоря, разочаровывающий факт?

Эля собрала кусочки плаща, что ещё не успели разлететься по ветру, и побежала обратно домой вся в слезах. И, самое интересное, в этой ситуации так просто не найти виновных. Да, она могла не лезть в разборки старших, могла пройти мимо, тем самым позволить негодьям вдоволь поиздеваться над своей жертвой. Но и мир, который был ей не особо известен, мог быть чуточку добрее так к ней, так и к другим.

Вбежав домой, она сразу же бросилась маме в объятия, а мама, в свою очередь, начала успокаивать свою единственную дочь, дорожке которой у неё ничего не было. Более того, с её ценностью не могли сравниться никакие блага и никакие таинственные знания, сокрытые среди звёзд и бескрайнего космоса! «Всё будет хорошо... Я здесь...» – ласково говорила она, поглаживая дочурку по её мягкой голове. И сколько же раз мы слышим эти слова за всю свою жизнь? И помогают ли они вообще? В таких случаях итог зависит от заранее расставленных приоритетов, порядок которых, зачастую, нам не повинуется. И чем дальше в лес, тем больше страха и меньше возможности вернуться обратно...

Иногда бывает очень трудно утешить близкого человека из-за окутывавшей его плотной и толстой пелены ужаса, зацепившейся при очередном походе в то самое кладбище живых деревьев. Он, или она, находясь в твоих крепких и тёплых объятиях, смотрит прямо на тебя и горько плачет от распирающей изнутри боли, а ты всё повторяешь те заезженные слова, которые все люди слышали сотни и тысячи раз... Эти фразы просто не долетают до глубины души, застревают среди бесчисленных ветвей, пронзивших своими сухими сучьями мягкую кожу души! И, пока не очистишь этот вздор с раздором, не получится согреть промёрзшего до костей дорогого и очень близкого человека...

Это была одна из самых грустных историй, рассказанных мне Элей, но и при этом была одной из немногих, что заставляли задуматься.

– Марин, ты прости, что заставил тебя погрузиться со мной... – почесал я затылок и, тяжело вздохнув, посмотрел на неё. – Жизнь же продолжается, а мы тут сидим... вспоминаем прошлое и грустим...

– Ничего страшного! – хлопнула она меня по плечу. – Я прекрасно понимаю, насколько Эля была тебе дорога, и примерно представляю, каково тебе было услышать такие ужасные новости спустя столько лет.

Спустя столько лет бездействия и пребывания в пустоте, лимбе, одиночестве... А почему, собственно, я ушёл в ту серость? Конечно, расставание с Элей меня очень сильно расстроило и даже довело до глубокой депрессии, из-за которой несколько дней не выходил из дома, но спустя пару месяцев, буквально под выпускной, после него моё душевное состояние пришло в норму. Примерно также мне нездоровилось в день моего переезда в другой город, потому что Катя разыграла целый спектакль рано утром. Она не хотела меня отпускать... не хотела прощаться... Эти воспоминания даже напомнили мне кое о чём...

– Расскажи, Марин, а что нового в жизни у тебя произошло? – спросил я вдруг, устремив взгляд на фонтан.

– Много чего, но, пожалуй, самое главное – это окончание университета с красным дипломом. Правда, я сейчас не знаю, куда мне податься и в каком направлении стоит идти. Забавно, не так ли? – молвила Марина с грустной улыбкой. – Казалось бы, есть внушительный багаж знаний, есть хорошие способности – это позволяет пойти куда угодно, но почему-то не хочется. Будто позади остались какие-то незавершённые дела, которые обязательно надо довести до конца! И, вот, я сижу здесь и думаю, что мне делать... А как насчёт тебя? Если мне не изменяет память, то в школе ты, в прямом смысле слова, кайфовал от музыки и процесса её создания!

– Да, ты совершенно права! В школе мне безумно нравилось писать песни и мастерить мелодии, согласуя её с настроением, затаившемся среди строк... Что же касается новизны в моей жизни, то за эти годы, после выпускного, я успел перепробовать абсолютно все профессии, для которых не нужно особого ума: музыкант, битмейкер, организатор концертов, тамада, фотограф, кавер-гитарист – если говорить проще, то я не сидел на месте и искал себя! Откровенно говоря, в какой-то момент меня укусила большая муха, и мне захотелось обезопасить себя от встречи со своей возможной бездарностью! Правда, я так и не нашёл своё настоящее призвание... но зато стал известным на весь город, конечно, как музыкант! Всё-таки так долго занимался этой стезёй... Люди звонили мне по нескольку раз день с уговорами, чтобы выступил в их ресторане каким-нибудь вечером!

– Стой, и ты говоришь, что не нашёл себя?! – удивилась Марина и повернулась ко мне. – Если у тебя получилось стать известным, если тебе и вправду звонили люди и пытались договориться с тобой насчёт концертов, то не значит ли это, что тебе всё-таки удалось найти себя? Ну, стать успешным?

– Понимаешь, к тому моменту я уже научился радовать публику, зажигать даже самый пассивный и серый народ, но это была работа, выматывающая, опустошающая, забирающая все силы работа. В общем, в итоге мне начало надоедать подниматься на сцену и играть не свои и даже свои песни.

В юности я часто слышал фразы по типу «работа должна приносить удовольствие, а если она лишь забирает силы, то просто не там находится твоё призвание», но работа – это работа, и с этим ничего не поделаешь. Конечно, очень хочется, чтобы она действительно приносила только хорошие эмоции, ведь таким образом работать намного-намного легче, но наш мир устроен чуточку по-другому: любой творческий подход подавляют, а молодым творцам не дают показать себя. И, к сожалению, дело касается не только мелочей, которые присутствуют, в основном, в обыденности, но и больших и глобальных вещей. Открытие? «Лучше присвоить его нашему человеку...» – говорят прямо в лицо эти... безликие особы, даже не личности.

Правда, все подобные истории мне доводилось слышать только в барах и пабах из уст напившихся людей, находившихся чуть ли не на грани нервного срыва. Я не говорю, что они говорили ложь или рассказывали придуманные истории, просто хочется искренне верить, что подобных явлений на самом деле не существует. Но очень трудно держать эту веру в перво-зданном состоянии, так как в голову лезет фраза, сказанная чуть ли не каждым вторым любителем ночных приключений: «Алкоголь раскрепощает человека, подталкивает его раскрывать душу каждому встречному...»

Как по мне, нужно всегда смотреть в глаза людям, потому что они, во-первых, являются зеркалом души, а во-вторых, в них никогда не обитает ложь. Какой бы реалистичной не была маска актёрского мастерства, глаза всегда будут открыты. И, скажу честно, те хорошие ребята, рассказывавшие мне все те истории, имели взгляд человека, который потерял абсолютно всё. Потому я невольно и склоняюсь к тому, что их слова были настоящей, искренней правдой. Надеюсь, всё в их жизни пришло в норму...

– Кстати, я вспомнила, как ты однажды выступал в школе, когда проходил какой-то крупный конкурс творчества! – вдруг оживилась Марина, и в её глазах появилась какая-то воодушевлённость.

– Правда, тогда мне удалось занять только пятое место со своей импровизацией и придумыванием песни на ходу.

– Просто тот конкурс был больше настроен на маленьких детишек, владеющих заезженным мастерством эстрадного вокала, а не на поистине талантливых юношей!

– Спасибо... – невольно улыбнулся я. – Но, к сожалению, на данный момент мне так и не удалось покорить страну своей музыкой...

– Ничего страшного, ведь у тебя ещё есть время! Никогда не поздно попробовать выстрелить – вдруг у тебя получится попасть прямо в яблочко!

Оптимисты – одни из самых классных людей в этом мире, и это мне удалось понять не только по отдельным знакомствам, но и по роману с Элей. Благодаря ней я понял, что смотреть через призму серых и мрачных туч не совсем правильно, и, естественно, отчасти изменился! Эх, опять мысли лишь о ней...

– Тогда и ты тоже попытайся выстрелить и стать после этого самой лучшей в своей сфере, иначе это будет немного несправедливо! – посмотрел я на Марину и по-дружески приобнял её за плечи. – Всё зависит от нас самих!

– Ничего себе, конечно, что ты вспомнил! Это же наш выпускной! – посмеялась она, покраснев. – Блин, я так счастлива, что случайно встретила тебя! Правда, очень жалко, что не при самых хороших обстоятельствах...

– Но такая у нас жизнь... полосатая, с белыми и чёрными полосками...

И всё-таки это классно увидеть вновь кого-то знакомого и поговорить по душам о жизни, обо всём на свете. Да, мы на самом деле поговорили не обо всём, но зато по душам, а ещё

вспомнили пару тёплых моментов из прошлого. Это классно и бесценно. И сейчас я это прекрасно понимаю... Но всему хорошему когда-нибудь надо подойти к концу.

– Ладно, Артём, мне надо идти за подарком на день рождения друга. Мы с тобой отлично провели время! – сказала она, когда мы подошли к выходу из парка. – Надо как-нибудь встретиться ещё.

– Да, ведь мы столько всего ещё не обсудили, столько не рассказали... – протянул я, понимающе кивнув.

– Тогда, до завтра! – промолвила Марина и крепко обняла меня.

– Да, до завтра! – и внезапно мне стало дурно на душе. Точно такие же слова сказала Эля, когда мы расставались. Но я всё-таки обнял свою старую подругу...

После этого она ушла в сторону остановки, скрывшись в сплошном потоке безликих для меня людей. Всё-таки те самые кресты сохранились в моём сознании, более того, стали прятать всех от моих глаз, как какую-то ненужную деталь. И как же одиноко в этом мире, где слишком много пустого и серого...

Внезапно в моей голове всплыл один кадр из прошлого, но этой маленькой почти стёртой до белизны картинке хватило, чтобы пробудить во мне ранее забытые чувства и, конечно, воспоминания. Осталось только найти то самое место с тем самым пейзажем и той же самой аурой в этом большом парке...

– Вот, Артём, держи, это мой подарок для тебя! – сказала Эля, протянув мне кулон в виде волка.

– О, спасибо большое! А почему так внезапно, сегодня же нет никакого праздника? – удивился я, широко улыбнувшись, и взял её подарок, принявшись внимательно рассматривать изящные линии, появившиеся в процессе тонкой, изумительной искусной ювелирной работы.

– Просто захотелось сделать моему любимому Волку какой-нибудь сюрприз! – посмеялась она, сделав очередной глоток горячего чая с мёдом.

– Тогда, получается, что ты моя Волчица? – посмотрел я на неё, прикоснувшись рукой к её нежной и ласковой ладони.

– Возможно, так и есть... – протянула Эля очень загадочно. Меня всегда удивляла её способность делать любое мгновение волшебным, таинственным и до невозможности глубоким. Может, это были её особые супергеройские силы?

Примерно в то время мои родители вместе с Катей улетели отдыхать на морей, и мы из чисто пылких романтических соображений вечером, ближе к ночи пришли ко мне домой. Приглашать вторую половинку к себе втайне от мамы и папы так свойственно подросткам. В принципе это логично, пока в груди огонь чувств горит ярко и, порой, безумно, надо превращать скучные дни в маленькие истории, в короткие отрезки из второсортных сериалов-мелодрам, которые крутят по ТВ.

По началу мы вместе смотрели фильмы, постепенно опустошая тарелки с самыми разными вкусностями, а затем, когда увидели счастливый и трогательный конец очередной киноленты, приступили к горячим поцелуям, трепетным касаниям и страстным шепоткам. Слишком уж были подвластны тем тёплым чувствам, разгонявшим кровь в жилах и будоражащим душу. К тому же и я, и Эля тогда жутко болели желанием любить красиво, а красота проявляется не только в наличии приятных цветов и настроений, но и в эстетике, которая бывает и невинной, милой и несколько пошлой, слишком откровенной.

И глуп тот человек, кто замечает лишь один вид прекрасного. Ведь искусство имеет далеко не одну форму, оно является совокупностью огромного множества самых разных граней, каждая из которых становится видимой лишь под каким-то особым углом. Даже в трёх линиях кровавого цвета на абсолютно белом фоне можно найти красоту.

Ночь. Чуть выше находились тусклые мириады звёзд, которые благодаря воображению выстраивались в причудливые узоры, и сияла добрая луна, бережно хранившая многие секреты и тайны, а чуть ниже хаотично бегали городские огоньки, отдалённо напоминая милье и уютные свечи. Мы в нежных объятиях лежали под мягким одеялом в скромной тишине и тихонько шептались, награждая друг друга трепетными касаниями.

– Ты же никуда не уедешь? – вдруг спросила Эля, опустив глаза в темноту.

– Никуда и никогда... – ответил я, невольно улыбнувшись.

Она аккуратно положила свою ладонь на мою грудь, где мирно лежал кулон в виде волчьего лица. С того дня у меня не поднималась рука снять её подарок... слишком уж дорог он был мне...

– Обещаю, что создам для нас с тобой самый лучший мир... моя волчица...

– Но сдержал ли ты своё обещание, друг? – спросил я сам у себя, подойдя к тому самому дереву.

Вокруг него воспоминания оживали прямо на моих глазах, воссоздавались все те милые сценки, которые когда-то будоражили моё чуткое сердце. Мы улыбались друг другу, шутили и смеялись над своими же шутками, мило целовались, не стесняясь чужих взглядов. И что же между нами изменилось, что эта счастливая история в одночасье закончилась?

– Не думал, что смогу найти тебя здесь! – невольно вырвалось у меня, и появилась широкая улыбка.

Я достал из-за крупного корня, повисшего над землёй на расстоянии пары сантиметров, маленькую коробочку, которую спрятал на семнадцатилетие Эли. Это было милое серебряное колечко, сплетавшееся в маленькую розочку, украшенную розоватыми аметистами.

– Скажи, а почему наша история подошла к концу? – вдруг послышалось позади.

– Ты слишком наивный, Андрей, ты вечно всё идеализируешь, вечно всё делаешь по-книжному, а это глупо! Пойми, что твоя романтика бывает только на страницах или в кино, но не в реальности... – ответила девушка.

«Нам нужно расстаться...» – неужели что-то ещё нужно сказать человеку, чтобы разбить ему сердце? Но это жизнь. Люди встречаются и уходят... уходят...

Глава 3. Соврал...

Выйдя из парка, я направился в сторону одного маленького ресторана, находившимся на самом краю крошечной улицы, названной в честь знаменитого на весь мир поэта. Удивительно, что таким поистине Великим людям отдают столь мелкое, ничтожное внимание, которое больше похоже на формальность – «все так делают, сделаем и мы». Может, просто кто-то из слоя высшего, привилегированного общества недолюбливал этого деятеля искусства? К сожалению, узнать настоящую причину такого невежества никогда не получится узнать...

А шёл я туда по довольно банальной причине – мне хотелось пообедать в очень знакомом и родном местечке, которое по важности могло сравниться с тем парком, где разыгрались все милые сцены и пьесы в моей жизни. Надеюсь, что этот ресторанчик не закрылся за время моего отсутствия, иначе придётся не просто голодать, а даже навсегда попрощаться с некоторыми очень важными воспоминаниями.

Но, стоит отметить, они не ограничивались тем замечательным заведением, эта длинная и узкая улочка, прикрытая листвой могучих деревьев, росших рядом с дорогой, тоже являлась их неотъемлемой частью. Птички, перелетавшие с ветки на веточку, пели свои красивые песни, вдохновляющая архитектура старого аристократичного стиля низеньких домов, постоянный лёгкий ветерок, обвивавший своей прохладой лицо – всё это напоминало мне о тех классных и долгих прогулках, проходивших либо в гордом одиночестве, либо с Катей или Элей. И разве в такой прекрасный солнечный день что-то может испортить пребывание здесь? Только очень вспыльчивый человек, которого не повезло случайно задеть плечом, и мог это сделать...

– Эй, тебя надо поучить манерам?! – тут же начал он кричать на всю улицу. – Я тебя спрашиваю, идиот!

– Успокойся, мамин герой, иди лучше своей дорогой, а я – своей... – протянул я, сдерживая своё огромное недовольство.

– Может, ты лучше для начала попросишь прощения?

– Прости, но сегодня я не собираюсь тешить чьё-то ЭГО! – вырвалась из моих уст насмешка, после чего я повернулся к нему.

Его лицо резко переменялось: лоб поморщился, глаза сузились и появилась какая-то жалкая пародия на дружелюбную улыбку. Меня сильно удивило такое внезапное и весьма странное изменение. Как-никак пару секунд назад он был готов в любой момент засучить рукава и начать драку.

– Слушай, а мы, случайно, не знакомы? – что-то, а такой вопрос ожидать было равносильно тому, чтобы рассчитывать на золотой дождь у себя в ванной.

– Не думаю, ты мне никого не напоминаешь, да и вряд ли мне доводилось знакомиться с кем-то наподобие тебя.

– Блин, точно! – начал он без остановки щёлкать пальцами, видимо, пытался вспомнить меня. – Чёрт, мы точно где-то виделись... подожди минутку, дай вспомнить!

Может, это просто один из новых видов насилия? Всё-таки выносить мозг всяким бредом вполне похоже на один из самых изощрённых и жестоких способов травмировать человека.

– Как вспомнишь мой номер – позвонишь... – мотнул я головой и, отвернувшись от странного прохожего, пошёл дальше по красивой улице.

– Стой! – буквально через несколько секунд крикнул он. – Мы с тобой как-то подрались в школе, а потом стали хорошими друзьями! Артём, да-да, тебя зовут Артём!

Так, а какой шанс того, что ему удалось с первого раза попасть прямо в точку, угадать без единой подсказки моё имя? Один к миллиону, миллиарду? Ладно, пускай это и выглядит крайне странно, но стоит дать человеку за труды и старания маленький шанс, вдруг его слова окажутся правдой. Совершенно верно – я очень доверчивый и добрый в этом плане, и это,

пожалуй, единственная сохранившаяся у меня черта. Но это совсем не значит, что буду стоять и терпеливо выслушивать наглую ложь, гнилой рекой изливающуюся из грязных и до ужаса противных уст...

К тому же в мои школьные годы действительно у меня случилось несколько драк с парнями из старших классов. В основном, провокации шли с моей стороны, но начинали, как правило, они своими издёвками и дерзкими словами. «Если уж посмел оскорблять меня, то будь готов отвечать за свои слова...» – с явным высокомерием и ехидной ухмылкой говорил я всем решившем вывести меня из себя. Да, совсем не похоже на доброго юношу, каким предпочитаю себя называть в обычной жизни, но разве правильно относится по-доброму к тем, кто настроен по отношению к тебе агрессивно? Как мне кажется, в данной плоскости принцип «око за око» просто необходим. К сожалению, радугой и разговорами о светлом будущем войну, образно говоря, не закончить.

– Хорошо, можешь ли ты тогда рассказать все обстоятельства той драки? – повернулся я обратно к странному парню, который был одет слишком просто: белая майка, несколько грязная, серые лёгкие шорты, отдалённо напоминавшие шаровары, и сланцы. В таком виде обычно не гуляют, а ходят в магазин или пивную точку. – Причину обозначить хотя бы.

– Ну, я тогда с друзьями наехал на тебя по поводу твоей причёски... а ещё мы припомнили то, что ты встречался с Элей, которая моему другу очень в то время нравилась... – протянул он крайне неуверенно. – О, меня Пашей зовут! Ты просто обязан меня вспомнить!

– Дай подумать... Паша... Паша... – несколько раз очень внимательно, чтобы не упустить мелочь, связанную тончайшей ниточкой со спрятанными воспоминаниями, прокрутил в голове его имя. – Минуточку...

Опять уроки закончились очень поздно. Меня ужасно бесят такие дни, проведённые по факту бесполезно: ничего нового на уроках не давали, никакие навыки не развивали, абсолютно никакой полезной информации не получили. Почему нельзя просто учиться только тем дисциплинам, которые тебе искренне нравятся? Да, по сути надо быть разносторонним человеком, уметь думать не только в одном направлении, но разве этого добиться изучением того, что вызывает ничего кроме отвращения и сплошного чувства скуки?

Ладно, школьный день подошёл к концу, так что надо обо всём просто забыть, оставить в покое, чтобы лишний раз не портить нервы и без этого ужасное настроение. Жаль, что с Элей не получится сегодня погулять...

– Эй, парень! – крикнул кто-то позади.

Я остановился и медленно обернулся, подняв брови в удивлении. Меня окликнул один из одиннадцатиклассников, школьная звезда в области спорта, а именно футбола и баскетбола. И чего этому бестолковому и глупому громиле понадобилось от такого тихони? Да, он мог кричать это совершенно любому парню в округе, вот только кроме меня никого на тропинке, ведущей за территорию школы, не было. Паша кричал именно мне.

– Эй, не хочешь поиграть сейчас с нами в футбол? – подошёл он и по-братски положил руку на моё плечо.

– Прости, но я не фанат футбола, да и в принципе любых других спортивных игр. Они не пробуждают во мне азарт... – очень учтиво сказал я и сбросил его грубую ладонь с себя. Было немного опасно проявлять агрессию в его сторону, так как рядом с нами находились его шестёрки. Или же друзья.

– Чего ты так радикально?! – посмеялся Паша, по-братски ударив меня в плечо. – Поиграем часок, а потом мирно разойдёмся по домам!

Родители мне частенько говорили, что я очень дерзкий и прямолинейный человек. Тогда каким прилагательным можно обзывать этих спортсменов, которые почти силой приглашают

на свою игру младших, которые к тому же слабее их в разы? Как по мне им больше подходит ярлык дерзости...

– Отвали, прошу тебя как человека! – сказал я злобно.

– Я не пойму, ты не мужик что ли? Да пошли сыграем в футбол!

– Ещё раз повторяю – отвали!

– Пф, – фыркнул Паша и слегка замедлил шаг, – идиот какой-то... ещё и причёска конченная... Ха, даже гейская! Может, ты у нас из голубеньких, а?

Его последняя фраза стала для меня сигналом к тому, что пора бы опустить все любезности и попытки разрешить конфликт без побоев и, наконец, показать свою злую и сильную натуру. Да, я бы мог просто проигнорировать его слова и пойти своей дорогой, но в таком случае количество дегенератов не уменьшилось бы. Если негодяя не проучить, он продолжит заниматься своим тёмным делом...

– Я не понял, ты захотел получить по своему свиному рылу?

– Ничего себе, голосок прорезался! – посмеялись одиннадцатиклассники в один голос. – А не боишься сам получить, принцесса?

Время для разговоров прошло. Я налепил на своё лицо дьявольскую усмешку и с размаху ударил Паше прямо в челюсть. Хоть внешне и походил на слабого и довольно хрупкого мальчика, но сила удара у меня была по-настоящему убойной из-за моих тренировок в зале. Примерно в то время у меня появилось сильное желание заниматься саморазвитием, как в физическом плане, так и в духовном и умственном. И благодаря не утихающему ни на миг рвению прогресс был колоссальным...

– Что ещё скажешь, придурок? – спросил я с отчётливой нотой высокомерия.

Его глаза наполнились неудержимой яростью, к которой обычно прибегают загнанные в угол животные, и в следующий миг он ринулся в бой. Наверное, в нём заиграла гордость... ведь его, звезду школы в области спорта, ударил девятиклассник...

После того дня Паша, как и его шестёрки, начали относиться ко мне с уважением, на почве которого вскоре и возникла дружба. Они звали меня на свои вечеринки и тусовки, к себе в гости на какие-то крупные праздники, где уделяли мне довольно много внимания. Если я брал в руки гитару, все в одночасье замолкали и начинали прислушиваться к моей игре, к моему полу-профессиональному пению, «не обделённому харизмой», если верить их словам. Из-за всех этих вечеринок я стал чувствовать себя крутым...

– Да, я вспомнил тебя, урода, что назвал мою причёску конченной...

– Блин, брат, мне серьёзно очень стыдно за все мои поступки в прошлом... Пожалуйста, прости меня... – промолвил Паша очень жалостливо. Забавно, если учитывать то, что он буквально пару минут назад наехал на меня с необычайной дерзостью...

– Ладно, проехали, это было очень много лет назад, так что нечего разговаривать об этом... – протянул я, удручённо вздохнув. – Вижу, сейчас дела у тебя идут не очень хорошо, иначе бы ты не прогуливался в таком виде с пакетом, содержащем пару бутылок пива. Что случилось с тем Пашей, которого я знал?

– Знаешь, первое время у меня шло в гору в сфере спорта, я ездил вместе со своей командой на самые разные турниры... небольшие по размерам и по фонду, конечно, но всё-таки я развивался как спортсмен – удручённо вздохнул он. – Но довольно скоро это закончилось. У меня появилась серьёзная травма, из-за которой меня списали со счетов, а потом и возникла проблема с алкоголем... долгами... и вдобавок к этому навис внутренний кризис...

– Может, экзистенциальный кризис? Просто внутренний кризис касается творчества, в основном.

– Да-да, именно этот... экзо-сти-ци...

– Экзистенциальный.

– Неважно.

А это уже было похоже на того школьного громилу, у которого имелись жуткие проблемы с учёбой, за исключением физкультуры, конечно. Меня всегда сильно удивляло то, насколько ему плевать на свою откровенную глупость и на одно из достоинств человечества – науку. Я понимаю, что не каждому приносит удовольствие решать сложные уравнения и выводить многоярусные формулы, но что насчёт таких научных штукочек подобных «демону Лапласа»? Этот мысленный эксперимент не просто интересен, он заставляет думать, размышлять, раздвигать горизонты мировоззрения! Знать подобные вещи – круто и просто здорово! Но, видимо, существуют такие люди, которые рождены чтобы жить и пинать мячик.

– А ты сильно изменился со школьных лет! Прибавил в росте и в мышцах! – улыбнулся Паша и по-дружески ударил меня в грудь. – Помнится мне, ты в школе был самым настоящим тюфяком!

– Сказал круглый двоечник по всем предметам... – вздохнул я, пару раз мотнув головой от лёгкого испанского стыда, но... тоже надел улыбку на лицо.

На самом деле, мы с ним будто поменялись местами или, можно сказать, телами. За эти годы он потерял свою спортивную форму, которая в школьные годы привлекала многих девушек, и несколько прибавил в весе, что было видно невооружённым глазом. А мне, наоборот, удалось наработать мышцы и построить достойный рельеф. Всё-таки время довольно сильно меняет людей... Ну, как минимум уже двое моих старых знакомых изменились до неузнаваемости.

– Наверное, в твоей жизни многое изменилось – предположил он. – Чем ты начал заниматься после того, как выпустился из школы?

– Я начал искать себя в этом огромном мире... если не впадать в детали, то занимался всем, чем только можно. Спустя год у меня появилось блеклое виденье того, чем мне стоит заниматься. А что насчёт тебя?

– Знаешь, я сначала пошёл в университет, но очень скоро бросил его в пользу большого спорта, потому что в один прекрасный день понял, что это моё призвание! Мы побеждали, проигрывали, учились на своих ошибках, жили на полную катушку, но всё изменила та травма, после которой контракт со мной был расторгнут. С этого момента и начались мои проблемы...

– Звучит так, будто это начало сопливого сериала про бывшую звезду спорта и про её подъём с колен!

– Давай мы пройдем во двор, и я расскажу тебе обо всём, а потом ты скажешь, на что похожа эта история?

Если говорить на чистоту, то мне искренне не хотелось находиться в его компании, так как я изначально хотел навестить отца в его классном ресторанчике. Но, глядя на уставшее и печальное лицо Паши, у меня невольно возникало желание помочь. К тому же именно он когда-то добавил в мой характер строчку «уверенный в себе», из-за которой начал по-другому смотреть как на мир, так и на себя. Да и я не понаслышке знал, что надо обязательно не держать в себе свои переживания и душевные проблемы, а ещё имел представление о том, каково это услышать завуалированное «мне на тебя плевать». Вот это уже и можно назвать жалостью... милосердием...

– Эх, ладно, давай, начинай свой рассказ...

До матча оставалось всего ничего – жалких два с половиной часа, которые пройдут мгновенно из-за множества дел: интервью, фотографии с фанатами, автографы и нудное обсуждение тактики с командой и тренером. Не стоит говорить, что Паша относился к последнему пункту весьма скептически и откровенно пренебрегал этой важной частью, способной привести к победе. Он каждую игру действовал по своему, не следовал заранее установленным порядкам действий и наставлениям тренера. Да, иногда это играло решающую роль на пути

к желаемой победе, но, в основном, напрасно усложняло жизнь всей команде и приводило к горьким поражениям даже в, как казалось изначально, выигрышных матчах. Именно из-за его вольной техники и самоуверенности у него были весьма натянутые отношения с ребятами, его коллегами, но и именно поэтому его искренне любила публика и комментаторы, отмечавшие возможность его становления лучшим игроком во всём мире.

Ребята частенько закрывали на его промахи глаза, потому что именно из-за него у них имелась какая-никакая известность, приносившая ощутимую монету в карман. Но этот день был другим. Они, наконец, выбились в финал, и им требовалось сыграть в предстоящем заключительном матче идеально, не делая глупых ошибок, и, в общем, показать себя с лучшей стороны, чтобы поднять планку всеобщего обожания к их команде. И разве в эту картину вписывается Паша, который вечно играет на своей волне, толком не кооперируясь с другими? Конечно, нет, поэтому и закрывать глаза на его косяки было уже нельзя. И это понимали абсолютно все.

Мысли о том, что выходки Павла могут привести к поражению, напрягали всю команду, в особенности тренера, уставшему объяснять неугомонному юноше суть командного спорта. Зерно раздора было уже посажено и начинало стремительно разрастаться на фоне того, что наш герой делал всё, лишь бы только не обсуждать тактику и план нападения. Второй неблагоприятный фактор показал себя. Даже его вторая половинка обратила внимание на его поведение, по поводу чего, естественно, что сделала твердое и грозное замечание, но смельчак продолжил раздавать автографы и фотографироваться с фанатами.

Первая часть матча, разделённого на три промежутка, подошла к концу. Обе команды шли наравне по очкам, в чём была заслуга Паши, позволившего несколько раз сопернику перехватить инициативу. Все начали жутко нервничать от такого расклада вещей. Этот стресс в итоге перерос в самый настоящий заговор, целью которого было «обезвредить» Павла. Третий и заключительный момент...

Внезапная подножка от, вероятно, подкупленного врага, и Паша получил серьёзный перелом ноги. Госпитализация, беседы с администрацией, расторжение контракта. Так и подошла спортивная карьера моего старого друга к концу.

– И как тебе эта история? – спросил он, подняв глаза и посмотрев на меня. – Что ты думаешь?

– Если честно, я думаю, что ты сам виноват в произошедшем... – твёрдо ответил я, устремив взгляд на небо.

– Да я и сам это прекрасно понимаю... и почему раньше не додумался до того, что мой ублюдский характер меня сгубит...

– Мы – люди, мы учимся на своих ошибках, так что это вполне нормально ошибаться, делать всё в точности да наоборот и не видеть очевидных вещей. Самое главное в этом нелёгком деле – не сдаваться... – протянул я, тяжело вздохнув и наполовину погрузившись в своё не самое красочное прошлое. – Кажется, ты упоминал, что твоя девушка помогала тебе, поддерживала тебя. Она же не ушла после того «несчастливого случая»?

Лицо Паши сделалось ещё более грустным. Похоже, я своими размышлениями случайно наступил на его больную точку. Тут же картина для меня начала приобретать чёткие очертания, чёткий сюжет и смысл.

– Слушай, давай лучше пройдем ко мне домой и поговорим об этом там? – посмотрел он на меня очень жалостливо.

И разве можно было проигнорировать этот бесконечно грустный взгляд? Эх, когда-нибудь мой добрый характер меня точно погубит...

Вскоре мы зашли в подъезд одного из домов, представлявших собой архитектурные шедевры, которые вполне можно показывать на различных выставках искусств. Внутри было всё очень чисто и довольно красиво за счёт художественных произведений, сделанных, веро-

ятно, самими жильцами, на стенах. И моё мнение о Паше начало медленно, но верно расти, ведь жить в таком доме – настоящая сказка! Но очень скоро все накопленные положительные мысли мгновенно исчезли. Просто Паша открыл дверь в свою квартиру, которая, откровенно говоря, оставляла желать лучшего в плане всего.

Местами встречались проржавевшие трубы, предназначенные непонятно для чего, всюду располагались грязь и неприбранные вещи, даже пустые тары из, судя по всему, пива. Оголённые бетонные стены навивали унылую серость, подобную той, в какую были покрашены сами, а окна, покрытые внушающим слоем пыли, напоминали одного помещика, фамилия которого олицетворяло силу. В общем, жилище крайне запущенное...

Спустя минуту мы прошли на кухню и уселись за старым, шатающийся во все стороны стол. Вот уж не думал, что школьная звезда в сфере спорта может жить в такой откровенной бедноте. Но, стоит признать, все мы знаем, что жизнь – безумно странная и непредсказуемая штука. У тебя может быть огромный талант и внушительный потенциал, возможность расти и расти в области, куда стремится твоя душа, но всё может сложиться так, что эти удивительные данные просто пропадут. Конечно, упорные и целеустремлённые в итоге добиваются своих целей, исполняют свои самые заветные мечты, но далеко не у каждого имеются черты характера, которые заставят подняться даже в самой безнадежной ситуации. Такие люди способны даже пойти ва-банк, когда карты идут совсем не в их пользу. Иногда риск себя оправдывает, а иногда после авантюры в кармане не остаётся и гроша.

– Так о чём ты хотел поговорить с человеком, разбирающемся в любви? – спросил я, процитировав его слова.

– Это насчёт моей бывшей девушки. Не думаю, что ты её знаешь, ибо познакомились мы с ней в университете... – протянул Паша и склонился над столом. – Мне просто хочется узнать, что я всё-таки сделал не так, где поступил неправильно. Поздно, конечно, чтобы пытаться что-то менять в себе... но на данный момент это единственный мой шанс вылезти из ямы, в которую сам себя и затолкал...

Он был явно из тех людей, которым нужно пальцем указать на их промахи и косяки, чтобы у них в голове сложилось понимание. С одной стороны, это правильно спрашивать мнения у других, ибо в своём глазу мы частенько не придаём значения целому бревну, а в чужом с необычайной лёгкостью замечаем маленькую соринку. Это народная мудрость, а не философичные мысли одного неизвестного парня.

– Знаешь, это как-то по-детски из-за прошедшей любви хоронить себя и свою жизнь... – вздохнул я удручённо. – Тебе же не четырнадцать лет, чтобы это выглядело нормально!

– Блин, понимаешь, благодаря ей у меня всё и шло в гору. Она всегда поддерживала меня и заставляла идти, даже если мне этого не хотелось. Но, стоит сказать, я всё-таки решил сдаться, когда на мне поставили крест из-за травмы... – посмеялся Паша и сделал пару глотков пива.

– Она пыталась поднять тебя на ноги, помочь встать и пойти новой дорогой, помочь найти новую стезю, но ты буквально на корню сгубил все её попытки. Понимаю, тебе было страшно что-то менять, к тому же тогда у тебя внутри было пусто из-за лишённого призвания. Но она искренне верила в тебя, продолжала верить, не смотря на твою серьёзную травму, из-за которой дорога в большой спорт стала недоступной тебе. Разве было трудно хотя бы попытаться встать с её помощью? В этом и состоит твоя ошибка, Паша... – сказал я очень серьёзным тоном. – Ты в прямом смысле послал её куда подальше. И станет ли хоть кто-то стоять на месте, чтобы быть рядом со сдавшимся без борьбы бойцом, дезертиром.

– А ведь разговор даже не дошёл до любви... – спрятал он свои глаза ладонью. – Скажи, пожалуйста, почему я такой идиот и дурак? Почему я такой ужасный человек?

– Может, потому что ты никогда не пытался быть хорошим? Никогда не пытался бросить свою натуру бандита, предпочитающего брать всё в свои руки? Никогда не пытался положитьсь

на окружающих тебя людей? – сказал я очень жёстким и твёрдым тоном. Стоит сказать, что все мы в какой-то мере грешны. Даже судья, судящий человека по всей строгости, чтобы направить того на путь истинный, невольно руководится личной обидой. – Но, знаешь, стоит сказать, что ты с того времени немного изменился. Я имею в виду не школьные годы, а твоё расставание с твоей девушкой. Ты научился извиняться, принимать свою вину.

– То есть у меня есть возможность исправиться?! – резко поднялся Паша, удивлённо посмотрев на меня.

– Да, но для начала встань уже с колен, хватит сидеть на месте, иди и займись хоть чем-нибудь, найди себя!

И почему-то в тот момент мне вспомнилась песня под названием «молитва в до-мажоре». «Мир медленно умирает, он полностью в огне...» – и как это связано с текущей ситуацией? Что именно напомнило мне её? Может, надежда, способной действительно спасти целый мир... Хм, наверное, я увидел в его глазах эту самую надежду...

Глава 4. Близкие, но столь далёкие...

Вот и тот самый ресторанчик «Тетра», который мой отец открыл буквально за неделю до моего рождения. Надеюсь, что он сейчас находится здесь, а не на какой-нибудь деловой встрече...

Я зашёл в ресторан, где играла приятная классическая музыка, и тут же занял ближайший к окну столик. Как и ожидалось, народу было буквально «нема», помимо меня здесь находилась одна влюблённая парочка и два бизнесмена, одетых в строгие чёрные костюмы и сидевших в разных краях зала.

– Добрый день, сэр, вы сразу сделаете заказ, или вам необходимо немного времени, чтобы сделать выбор? – учтиво спросил у меня официант, подошедший ко мне ровно в тот момент, когда я пытался найти изменившиеся детали в интерьере и обстановке.

– О, простите, я невольно задумался... – появилась на моём лице нелепая улыбка. – У меня на самом деле есть маленькая просьба к вам, вы не против?

– Нет, совсем нет! – сказал он, заметно выпрямившись.

– Тогда, пожалуйста, позовите директора ресторана, если, конечно, он на данный момент находится здесь.

И лицо юноши, начавшего работать в «Тетре», вероятно, совсем недавно, резко изменилось. Дружелюбие и доброта, являвшимися лишь чётким требованием администрации, сменились на лёгкий ужас и сильную растерянность. Я прекрасно понимал его, ведь я в прямом смысле зашёл сюда минуту назад и уже требую присутствия кого-то высокопоставленного. Обычно недовольство посетителя оборачивается серьёзным штрафом для официанта. По крайней мере, в этом ресторане.

– А... позвольте поинтересоваться, – вернул юноша требуемый от него тон, – почему вы, даже не сделав заказ, просите позвать директора?

– Не беспокойтесь, мы с ним просто довольно близко знакомы... Видите ли, я совсем недавно приехал в этот прекрасный город из долгого путешествия, и мне захотелось увидеть, так сказать, старого доброго друга. Ситуация вполне штатная, так что вам, уверяю, не о чём беспокоиться... – сказал я с очень загадочной аристократической динамикой голоса. Меня всегда сильно увлекало разговаривать подобным образом со здешним персоналом. Невольно начинаешь чувствовать себя богатой и властной личностью, способной одним взмахом руки отдать неукоснительный приказ...

– Хорошо, я позову Евгения Константиновича... ожидайте... – несколько раз кивнул официант, после чего в спешке удалился, я вернулся к изучению интерьера на наличие изменений и новшеств...

В общем, ничего не изменилось с тех времён, абсолютно ничего. Всё тот же винный цвет и его многочисленные тона покрывали все элементы декора в зале, вся мебель была сделана из дорогого и элегантного дерева, смотревшегося идеально с вышеописанной цветовой гаммой. Возле входа на кухню находился бар с очень большим ассортиментом напитков и внушительным количеством коктейлей в меню, и совсем рядом расположилась совсем не маленькая сцена, на которой в вечернее и ночное время выступают музыканты, певицы и даже комики со своими standup-программами.

Несмотря на всю изящность и роскошь заведения, оно было очень уютным и душевным, местами романтичным. И из-за той романтичности, что витает в воздухе, здесь очень часто можно увидеть, как молодой человек делает предложение руки и сердца своей второй половинке, преклонив колени и открыв заветную коробочку с красивым кольцом. Самое интересное то, что мой отец именно этого эффекта и добивался столько месяцев, сколько строился

этот шикарный ресторан. Однажды он признался мне, что когда-то в точно таком же заведении сделал предложение моей маме...

Тогда, если верить его словам, у него не было ни денег, ни связей, ни каких-либо навыков, позволяющих сотворить всё из ничего. Чего таить, они оба на тот момент заканчивали учёбу в университетах! Правда, папа всё-таки не окончил ВУЗ, он, осознав, что будущая профессия ему не по душе, бросил всё буквально на финишной прямой и начал искать своё место в этом мире. Сначала ему повезло устроиться менеджером маленького кафе, потом удалось перейти на более престижную должность. И всего лишь за два года у него появилось осознание того, чем ему хочется заниматься. Я, конечно, о многих трудностях, встретившихся на пути моему отцу, не рассказал, но даже так это всё равно достойный пример того, как можно достичь всего, если не сидеть на месте, а именно пытаться, не смотря на неудачи и провалы.

– Артём?! – послышался низкий, басистый голос моего Папы. – Неужели это ты? Это правда ты?!

Я встал из-за стола и направился к нему маленькими шагами. И только мы встретились, он крепко-крепко обнял меня и с облегчением вздохнул. Похоже, отец скучал по мне очень и очень сильно... И внезапно мне стало жутко стыдно, ведь у меня ни разу за эти годы не возникало в голове, что ему так не хватает меня...

Сколько бы глупый юноша не говорил о том, насколько у него натянутые отношения с роднёй, его холодное сердце всегда наполнится теплом, если его обнимет настолько близкий и родной человек.

– Сколько же лет мы с тобой не виделись! – радостно сказал он и отстранился, взяв меня за плечи и внимательно осмотрев. – Как же ты изменился! Повзрослел! Как погляжу, тебе теперь нравится носить белые рубашки? Помню, как ты прятал от нас все белоснежные рубашонки, когда настала пора идти в первый класс! Такое чувство, будто это было буквально вчера!

– Ха, да, но, стоит сказать, классический формат мне всё равно не по душе, хотя и выгляжу в таком формате очень даже круто! – сказал я, скромно пожав плечами.

Если честно, то за эти годы переменилась не только моя внешность, но и моё мировоззрение, мои предпочтения и взгляды на обыденные вещи. Исчезло всё волшебство, также и покинула меня вся маленькая и милая красота, а осталось лишь неприглядная простота, подобная изначальным элементам: огню, воде, земле и воздуху. Именно это называется взрослением? Эх, если бы только знал, что меня ждёт впереди, то ни за что не стал бы взрослеть...

– Артём, ты даже не представляешь, насколько сильно я рад видеть тебя! Ну, рассказывай, как ты жил, что у тебя случилось за это время, как сложился личный фронт? – с лёгкой усмешкой промолвил мой отец и усадил меня за стол, сам сев рядом и приняв задумчивую позу.

– Не думаю, что ты оценишь мой выбор профессии, учитывая ту ссору, из-за которой я и решил съехать от вас навсегда.

– Тём, скажу правду, как она есть, я тысячу раз пожалел о том, что сковывал твою свободу, частенько доводя всё до крайностей... – протянул он и опустил взгляд на скатерть винного цвета. – После твоего отъезда я понял настоящую цену талантливому сыну, способному свернуть не только горы, но и целую вселенную! Пойми, для меня всё это творчество... было совершенно незнакомой областью... из-за чего чувствовал опасение за твою судьбу...

– Жаль, что нельзя вернуть слова... и время... – улыбнулся я, откинувшись на спинку удобного кресла, и посмотрел в сторону влюблённой парочки, что обменивалась между собой нежностями и различными приятными мелочами.

– Ты даже не представляешь, насколько мне жаль... не представляешь, насколько сильно мне стыдно за все свои запреты... – промолвил папа вполголоса.

Лето. Наступил долгожданный жаркий июль. Экзамены были уже далеко позади, оставалось лишь терпеливо ждать результатов и подбирать университеты, куда можно попробовать поступить. Все мои одноклассники уже полностью определились с будущей профессией, а я... всё метался из стороны в сторону между творчеством, менеджментом и естественной наукой, не решаясь сделать окончательный выбор.

Сказать честно, мне было невероятно страшно думать о будущем, именно об учёбе в университете и о последующей профессии. В мою голову постоянно лезли мысли по типу: «А вдруг это окажется не тем, чего ты по-настоящему хочешь? Вдруг ты просто упустишь драгоценные годы?» – и эти гнетущие вопросы не утихали ни на секунду, без остановки звучали жутким эхом из глубин запутанных пещер разума. Я страшился того, что моего школьного рвения и интереса к определённым предметам не хватит для построения успешной карьеры, для создания счастливой жизни, в которой будет место не только мне, но и моей будущей избраннице и моим будущим детям... И как это решение некоторые люди смеют называть простым?

Ребята обсуждали между собой университеты, факультеты, кафедры, различные перспективы выбранных ими стезей, а у меня не имелось даже малейшего представления о том, кем хочу стать и каким человеком. Это невольно оказывало на меня сильное моральное давление, из-за которого создавалось ощущение, что время буквально уходит сквозь пальцы, как какой-нибудь очень мелкий песок, что, в свою очередь, заставляло торопиться, метаться с огромной скоростью из крайности в крайности и, конечно, паниковать.

В итоге моя неопределённость начала несколько раздражать моего отца, видевшего во мне чуть ли не Нобелевского лауреата по всем естественным наукам. Да, я не был глупым парнем, имел большие способности в самых разных научных дисциплинах, но... моя душа совсем не тянулась к этому. Таким образом наши с ним отношения, которые нельзя было назвать тёплыми, стали ещё хуже...

– Артём, сядь, пожалуйста, с нами... – сказал отец, когда я прошёл на кухню. – Нам нужно с тобой очень серьёзно поговорить, и это никак нельзя откладывать.

– А в чём, собственно, дело? – спросил я с некоторой опаской, будто не имел никакого представления о насущной теме, которую хотел затронуть мои родители. К тому же мама ушла со своей работы по-раньше... уже это говорило о многом...

– Рассказывай, какие университеты ты для себя присмотрел и какие факультеты – сухо начал он, опустив взгляд в пустоту, находившуюся совсем рядом со мной. Мама же посмотрела на меня... с беспокойством...

– Никаких... абсолютно ничего... – злобно сказал я, отвернув взгляд в сторону, чтобы не видеть их глаза, полные возмущения и разочарования.

В тот момент мне захотелось исчезнуть, стать невидимым, чтобы весь мир забыл про моё существование, оставил меня в покое. Силуэт чёрного ворона с безумно красивыми тёмно-алыми глазами внезапно мелькнул в голове и в следующее же мгновение улетел в серое от надвигающегося дождя небо, оставив маленький подарок – мечту. Я начал мечтать стать подобным тому ворону... одиноким и совершенно свободным... не скованным кандалами Пустых...

– Ты же понимаешь, что от этого решения зависит вся твоя дальнейшая жизнь? Что прямо сейчас ты выбираешь свою судьбу?! – чуть повысил отец тон своего голоса и поднял на меня взгляд. – Прямо сейчас нужно составлять списки, прикидывать шансы, узнавать о будущей профессии, о перспективах. Ты же ничем не занимаешься целыми днями!

– Да, я прекрасно понимаю, что от этого зависит всё – пренебрежительно промолвил я и повернулся к родителям. – Но, знаешь, от этого понимания сделать выбор становится только сложнее. Тебе в голову не закрадывалась подобная мысль?

В то время мне даже не приходилось думать о том, что университет не загоняет в рамки одной стези, что жизнь вовсе не заканчивается на неудачном решении. Эх, если бы только чуть раньше додумался до этого...

– Ты как разговариваешь с твоим отцом?! Как ты разговариваешь со своими родителями?! – возмутился папа, ударив кулаком по столу. Испугал ли меня его настрой? Совсем нет. Лишь раззадорил и побудил к решительным и радикальным действиям...

– Может, потому что я не уважаю тебя, потому что не имею ни малейшего желания обсуждать с тобой такие вещи? – решил я проявить свою дерзость, ставшую уже частью моего характера. – Сколько себя помню, вы вечно находились в работе, просили не мешать, подождать. Так вот, сколько ещё ждать мне? А Кате, воспитание которой полностью легло на меня? Скажи, с чего ты решил вдруг поинтересоваться моей чёртовой жизнью?!

– Потому что я волнуюсь за твою судьбу! Мне не хочется, чтобы твой талант учёного пропал зря, чтобы ты стал каким-то попрошайкой, бродящим по вокзалам!

– У меня вроде как имеется голова на плечах, имеются также и другие таланты, которые могу принести не меньшую известность и пользу всему миру. Или тебя существует только серая повседневность без звуков, слов, эмоций, чувств и света?

– Если ты такой умный, то можешь прямо сейчас отправляться в своё кругосветное путешествие! – очень громко крикнул отец, резко встав из-за стола. – Какого хрена мы тогда должны держать такого самостоятельного, способного на любые свершения и якобы талантливого человека! Иди на все четыре стороны!

Любого другого такие слова повергли бы в шок и заставили бы извиняться, кланяясь в ноги, но не меня. Я весьма спокойно принял их, без слёз, историк и какой-либо паники, лишь пару раз понимающе кивнул, вглядываясь в пустоту. Всё-таки меня ещё давно посещали мысли о том, что был попросту не нужен им, а сейчас эти предположения просто подтвердились. Всё равно что провести эксперимент и безоговорочно доказать заведомо верную гипотезу...

– Тогда я обещаю, что никогда в жизни не вернусь, что никогда больше не позвоню вам и заговорю с вами. Можно считать, что мы теперь стали друг другу никем, незнакомцами, обычными прохожими! – промолвил я, подводя итог нашего не очень доброго разговора.

– Как пожелаешь! – подтвердил папа и направился к себе в комнату очень раздражённой походкой. – Можешь собирать вещи!

Было невероятно жалко маму, которая смотрела на меня своим добрым взглядом и старалась не плакать...

Через час, собрав все важные и необходимые мне вещи, я ушёл из дома, демонстративно хлопнув дверью. Дороги назад уже не было...

На улице, мягко говоря, погода не радовала: небо постепенно чернело, дул довольно сильный ветер, издали доносился жуткий грохот, походивший на типичное предвестие от Великих духов природы о грядущем катаклизме. Самое подходящее настроение природы для семейной ссоры, в результате которой на одного человека в семье становится меньше, ничего не скажешь.

Я пришёл на остановку и принялся терпеливо ждать заветной маршрутки, идущей прямо до остановки «новая жизнь». Времени у меня теперь было предостаточно, так что можно было и немного посидеть, слушая звуки надвигающегося дождя и беседу двух красивых дам, одетых по последнему писку моды. Конечно, последнее – это не самый лучший способ времяпровождения, но ничего более привлекательного в наличии, увы, не имелось.

– Эх, Таня, как же хочется уехать куда-нибудь! – сказала девушка, одетая в чёрные джинсы и чёрную кожаную курточку.

– Блин, Лен, не напоминай, я тоже хочу на море! – произнесла другая, одетая в милое пальто тёмно-алого цвета. – Мой парень, Андрей, всю предыдущую неделю говорил о поездке на жаркие острова... Взял и раззадорил!

– Не поверишь, но я не про море имею в виду! – посмеялась Лена. – На самом деле, мне вдруг захотелось съездить в другой город или другую страну, чтобы увидеть для себя что-то новое и получить новые впечатления! А ведь узнавать что-то новое – очень важно, чтобы быть счастливым!

– Вот ты даёшь! Странные же у тебя желания! – сказала Таня, подняв брови от удивления. – Смотри, наша маршрутка подъехала!

Обе девушки сели на общественное транспортное средство, и я остался на остановке в полном одиночестве. Всё-таки лучше слушать чей-то бредовый разговор, чем сидеть в полной тишине под дождём...

Кстати, а слова Лены не были таким уж откровенным бредом. Если не менять обстановку очень долгое время, можно невольно сойти с ума, погрязнуть в серости и скуке. Море – один из вариантов решения проблемы, но также существует менее затратная альтернатива – про-смотреть достопримечательностей в соседних городах или странах...

И с чего бы мне цепляться за слова незнакомки, случайно встретившейся на остановке? А, точно, у меня же теперь нет дома...

– Нет, у тебя совсем не странные желания... – пробубнил я себе под нос и поднял голову, посмотрев вдаль, откуда шли все машины и автобусы. Как раз на подходе был автобус, идущий прямо до аэропорта.

Пожалуй, стоит пойти на риск, всё равно больше нечего терять! Люди же как-то выкарабкивались, когда их выселяли из домов и лишали почти всех средств, они же как-то поднимались на ноги и становились успешными людьми! Да, именно так и поступлю, отправлюсь в другой город и начну жизнь с чистого листа!

Вдруг в кармане джинсов почувствовалась лёгкая вибрация, вызывавшая сильный дискомфорт. Это был входящий звонок от мамы. И почему она решила мне позвонить? Наверное, поговорила с отцом и уговорила его простить меня, впустить домой... и просто забыть очередную ссору...

Автобус миновал светофор и подъехал к моей остановке, открыв двери. Передо мной стоял выбор: вернуться и продолжить существовать, не имея времени для себя, или отправиться в неизвестность и попробовать стать идеальной версией себя и исполнить свои заветные мечты. Слишком неравное противостояние...

– Эх, прости меня, мама... – промолвил я, тяжело вздохнув, и выключил телефон, положив его обратно в карман. – Я хочу жить, а не бессмысленно существовать, находясь в обществе в качестве чей-то послушной куклы...

Мой путь лежал через аэропорт. Куда меня занесёт, кем в итоге стану – не знаю, но зато буду точно счастлив, потому что смогу играть на гитаре, не боясь, что какой-то ублюдок её разобьёт из-за своей прихоти играть с детьми, как с марионетками... **А как же поговорка: «Хорошо там, где нас нет?»**

Следующие несколько часов пропали в забвении. Я не помню как взял тот билет, не помню никаких очередей, не помню, чтобы чувствовал беспокойство и страх перед неизвестностью. Такое чувство, что тогда кто-то невидимый и всемогущий взял надо мной контроль, чтобы мне не приходилось думать о возвращении. По всем законам жанра он вернул мою свободу воли в момент взлёта, когда было уже поздно пятиться назад. Самолёт устремился в небеса, и мне внезапно стало жутко больно в душе... Я прощался со всеми своими друзьями... с первой любовью... с драгоценными воспоминаниями... Мне было настолько плохо в моральном плане, из-за чего начал лить слёзы, поглядывая за иллюминатор...

– Извините, с вами всё в порядке? – спросила меня девушка, сидевшая справа от меня.

– Да, всё хорошо, не беспокойтесь! – улыбнулся я, посмотрев на неё, и вытер рукавом слезинки с щёк.

– Трудно не начать беспокоиться, когда парень вдруг начинает плакать в самом начале полёта... – протянула она, убрав упавшие на лицо пряди. – Простите, просто я всегда думаю только о плохом... и вообще суеверная... Тяжело, в общем, мне живётся!

– Вы это говорите человеку, которого родители несколько часов назад выкинули из дома на улицу. Кажется, положение у меня хуже некуда...

– Стоп, а куда тогда вы летите? Неужели хотите начать в новом городе жизнь с чистого листа?

– Прямо в точку, смею предположить, что вы дочь Шерлока Холмса! – посмеялся я и посмотрел в иллюминатор. – Вдруг мне повезёт и получится стать очень известным исполнителем или шоуменом!

– Не перестаёшь мыслить позитивно даже в таком удручающем положении? Чёрт, да это же достойно уважения! Слушай, не хочешь взять меня в ученики? А то мне из-за моих плохих мыслей, что постоянно лезут в голову, временами становится очень тяжело... – улыбнулась девушка. – Ой, прости, что так резко перешла на «ты»! Меня, кстати, зовут Амина!

Она не видела во мне жертву не самой удачной шутки Судьбы или глупого парня, не способного помириться с самыми близкими людьми, она видела во мне прежде всего человека, решившегося на отчаянный, но смелый поступок. Правда, ей никогда не понять, что скрывается за моей проклятой белой маской, на которой всегда сияет добрая и милая улыбка... никогда ей не прикоснуться к тайнам моей души... А что, собственно, за тайны скрываются за моим чёрным костюмом? Моё особое мировоззрение...

Эх, философия... «Любовь к мудрости...» – в переводе с древнегреческого. В отличие от науки, где всё должно входить в рамки законов и правил, её может быть огромное множество, ибо каждый человек по-своему воспринимает мир вокруг себя. И из-за этого невозможно научить кого-то философии, можно лишь подтолкнуть к тому, чтобы посмотреть на определённое явление или предмет под другим углом и подчеркнуть что-то из полученного опыта для себя.

– Ничего страшного! – повернулся я к ней. – А меня зовут Артём, приятно познакомиться, Амина.

Эти воспоминания навевали на меня одновременно и радость и грусть. Грусть от того, что в тот день потерял семью, и радость от того, что обрёл свободу и возможность исполнить все свои мечты. И тут стоит задать очень простой вопрос: «А стоило ли это того? А стоило ли что-то терять, чтобы что-то получить взамен?».

– Сможешь ли ты простить меня, Артём? – спросил меня отец, смиренно опустив голову. – Если не простишь, то я пойму тебя...

– Пап, я уже давно простил тебя! Мы оба с тобой виноваты, так как не посмотрели на ситуацию с позиции друг друга.

– Нет, виноват именно я, потому что, как отец, даже не попробовал понять сына...

Семья не будет семьёй, если в ней царствует раздор, если в ней никто не может простить друг друга, и если отец, выполняющий роль главы той самой семьи, не выполняет свои обязанности... Пожалуй, у меня только сегодня появилась она... Семья! И невольно хочется спросить: что же тогда имел я до сегодняшнего счастливого момента?

– Я согласна! – вдруг прошлось по всему залу.

Я слегка наклонился, а отец развернулся, чтобы увидеть причину внезапного приступа счастья. Тот мужчина, сидевший за одним столиком со сногшибательной девушкой, всё-таки сделал предложение руки и сердца...

А в этом не было ничего удивительного, ведь вся атмосфера «Тетры» создавалась специально для того, чтобы молодым людям было легко делать этот очень важный и смелый шаг к созданию семьи, а прекрасные дамы, мельком в очередной раз осмотрев богато украшенный зал, осознали насколько сильно ими дорожат и насколько сильно их любят и дали верный, согласованный с сердцем и душой ответ. Такая вот титаническая работа была проделана моим отцом, иногда пропадавшим на пару дней, чтобы закончить всё к нужному дню... И после этого именно я здесь безнадежный романтик?!

– Очень отрадно видеть, как люди решаются на такой отважный шаг! – улыбнулся папа и повернулся ко мне. Он аж прослезился от увиденного! Эх, какой же он чуткий человек, вот от кого мне достался мой знаменитый пылкий нрав! – Я рассказывал тебе о том, как сделал предложение твоей матери?

– Да, папа, ты рассказывал мне, и далеко не один раз! – посмеялся я, откинувшись на спинку стула, и приготовился слушать самую любимую историю отца. Если что-то намекает ему о том дне, его становится просто не остановить!

– Сынок, я понимаю, что тебе, наверное, надоели старческие бредни твоего старика, но такие вещи надо всегда помнить, и не просто помнить, а именно вспоминать, рассказывать о них кому-то, просматривать фотографии, отсылающие к ней, слушать музыку, какую слышал тогда, когда она произошла! И знаешь, почему так надо делать? А вот, потому что только так можно сохранить воспоминание, не повредить его и не исказить! Мы – люди, все состоим из воспоминаний, именно они являются теми кирпичиками, из которых построены наши характера и внутренние миры. Так что их искажения необратимо меняют нас, приводят к разрушению наших героических монументов и последующей глобальной их перестройке. Теряя воспоминания, ты теряешь самого себя...

– Знаешь, пап, только сейчас я начал понимать, что ты всегда говорил правильные и верные вещи, хоть тогда мне твои слова казались полноценным бредом, не достойной никакого внимания. Наверное, у меня просто появился какой-никакой жизненный опыт, который и позволил под нужным углом посмотреть на твои теперь уже бесценные знания. С того дня мне пришлось очень сильно вырасти в личностной плоскости, а ещё быстро повзрослеть и снять розовые очки. Через это я нашёл ответы на многие вопросы, возникшие в детстве...

– У вас, молодого поколения, есть очень хорошая черта, делающая вас намного лучше старого, уходящего поколения. Вы с интересом смотрите на прошлое и на будущее, а некоторые ещё умудряются и следить за настоящим! – искренне посмеялся мой отец, вытерев рукавом слезинку, скользнувшую по морщинистой щеке, покрытой веснушками. – Мы же отказываемся смотреть в будущее, в особенности на настоящее, потому что банально боимся неизвестности, а ещё боимся сделать что-то не так в этом быстро меняющемся мире. Дело, наверное, в том, что родились в то время, когда человечество осуществило резкий переход от медленного и размеренного темпа развития к более быстрому и молниеносному. Нас родители научили жить в той, медлительной системе, а способных переучить нас не оказалось... Нам комфортнее быть консерваторами... В этом смысле вы, молодое поколение, являетесь спасением для нашего бедного и старого полка, ибо именно вы можете выслушать нас и помочь освоиться во вселенной! Кто знает, может через пятнадцать лет мы с твоей мамой улетим жить на Марс в роли первых колонизаторов, а вы с Катей останетесь здесь, чтобы в первых рядах участвовать в развитии человечества! И совершенно неважно, что вы в процессе поиска самих себя в этом бескрайнем мире пришли к ненаучным профессиям, я всё равно горжусь вами и буду считать, что вы вносите свой бесценный вклад в нашу историю!

Вот уж не думал, что когда-нибудь услышу от него такие высокие и величественные слова с очень глубоким и неоднозначным смыслом. В юности мне казалось, что он вообще не способен размышлять о форме мира, что его мировоззрение ограничивается расстоянием вытянутой руки: дом, работа, дом и деньги, которые иногда можно обменять на отдых на море или

на поездку в другой, более красивый город на пару дней. На деле же мой дорогой папа просто скрывал все эти мысли в себе. Наверное, ему не давал рассказать о них страх перед тем, что встретит непонимание с моей стороны и странный взгляд...

Я что-то слишком проникся размышлениями на эту тему, даже невольно представил себя в роли отца! Да, не самое приятное зрелище! Зато помогает понять, каково это быть родителем, каково это держать на руках своё маленькое чудо. Ты с первых секунд встречи с ним готов отдать ему всю свою любовь, готов встать перед ним, как щит, чтобы не случилось ничего плохого. Это встреча даёт тебе новую мечту – услышать спустя двадцать или тридцать лет дружеское и искреннее «спасибо, пап, за всё». Но также она порождает внутри маленький страх, который с течением времени, с взрослением ребёнка, становится всё больше и больше... Ты начинаешь бояться того, что спустя всё те же года он отвернётся от тебя и без слов, по-английски уйдёт и больше не вернётся. «Почему так произошло? Была ли в этом моя вина? Да, однозначно, в этом есть моя вина! Можно ли как-нибудь всё исправить? Что мне сейчас делать?» – эти мысли сначала появляются в единичном экземпляре, но потом начинают дублироваться и плодиться, заполняя всю голову, весь разум и нагнетая обстановку во внутреннем мире. Всё больше и больше становится чувство вины: «Возможно, я где-то не узнал у него, как у него дела или, наверное, подарил на Новый год не то, что ему хотелось. Может, вообще подарил ему недостаточно любви...» – и это очень больно... За следующим углом готовится стукнуть «шестьдесят», в квартире пусто, слышен лишь телевизор и редко открывающийся холодильник... колючее одиночество, приносящее ничего кроме жестоких мучений, каких не пожелаешь даже самому заклятому врагу...

Но иногда виноваты сами дети, ведь мир ничего им не обязан давать, а они всё хотят всего и сразу, прилагая минимум усилий, иногда они просто отказываются понимать родителей, отстраняясь от них в пользу внезапно открывшейся им свободы. Да, иногда из старого гаража вырастает огромная кампания, да, иногда свобода, поощряющая поиски по всему земному шару, окупает себя, помогая найти то самое место, но иногда всё-таки надо прислушаться к тем, кто прошёл такой же путь раньше, в своё время, и не закрывать в очередном приступе эгоизма и под эффектом амбициозных планов уши. «Всё зависит от нас самих, мы можем достичь любых высот...» – это настоящая правда, но она резко становится ложью, если идти по неизвестной дороге в тёмный и мрачный лес в одиночку. И только те самые родители, которые когда-то тоже были молодыми, могут осветить ту тропу, сокрытую коварными тенями! Скажу только то, что надо всегда повторять самому себе, можно даже на лбу написать, чтобы было легче принять: «Они тебя любят, не смотря ни на что».

– Пап, так что там с историей? Как ты сделал маме предложение руки и сердца? – бодро спросил я, широко улыбнувшись.

– Точно-точно! – посмеялся папа и протёр пот с морщинистого и старого лба синим клетчатым платочком. – Я же обещал рассказать, совсем забыл! Эх, старость... старость... Ну, слушай внимательно и попробуй проникнуться той прекрасной атмосферой аристократии и настоящих манер, присущих джентльменам!

Это был прекрасный солнечный день, заплутавший где-то в середине весны, в самом её разгаре. Снег почти растаял, позволив выйти на яркий белый свет первым зелёным листьям, и погода более-менее стала стабильной: ни дождей, ни снегопадов, ни резких скачков температур больше не было, да и не ожидалось. Что же касается температуры, то столбик термометра остановился на отметке в десять градусов по Цельсию, что говорило о лёгкой прохладе и о наличии приятного доброго ветерка на улице.

Женя специально выжидал именно такой день, чтобы пригласить свою вторую половинку на особенное свидание в дорогой, элитный ресторан и под конец романтического времяпровождения сделать удивительный сюрприз – кольцо с множеством крошечных бриллиантов и соот-

ветствующие слова. Он позиционировал себя как перфекционист в таких делах, придерживаясь одного весьма интересного правила: «Самые важные моменты в жизни должны пройти идеально, без никаких изъянов». Собственно, именно поэтому ему и понадобились приветливое солнце и отличная погода, хотя само, можно сказать, торжество должно было пройти в помещении, откуда особо не насладиться просыпающейся матушкой-природой.

Скорее всего, на подсознательном уровне ведомый стрелой Амура юноша считал, что от состояния окружающего мира зависит изначальное настроение человека, так как это буквально самая первая вещь, попадающая на глаза. Что же в таком случае необходимо, чтобы настроение было замечательным и позитивным? Конечно, яркое приветливое солнышко ярким утром и радующий душу прогноз погоды! И совершенно неважно, что то самое солнце заставляет встать добрую половину населения планеты пораньше, опередив тем самым будильник, своим вездесущим светом!

Женя, вооружившись букетом цветов, коробкой дорогих конфет и широкой белоснежной улыбкой с хорошим настроением, пришёл к её дому с первыми лучами, когда она будет ожидать его визит меньше всего. Его сердце бешено билось в груди, не могло найти себе покоя, что отражалось и на голове, где царил полнейший бардак без всяких просветов! Но даже так внутри него присутствовала уверенность в том, что поступает верно, что по-другому и быть не может! Паника, такая паника!

Сделав несколько глубоких вдохов и столько же размеренных выдохов, он прошёл в железные двери подъезда и, кивнув консьержу, с которым вчера договорился о сегодняшнем визите (иначе бы тот его не пропустил!), принялся подниматься по лестнице на тот самый седьмой этаж, на котором находилась та самая квартира той самой девушки небесной красоты! Люди, встречавшиеся ему на пути, искренне улыбались ему и желали удачи в сегодняшней афере, если так, конечно, можно выразиться. «Улыбайся миру и не в коем случае не робей на него, и тогда он улыбнётся тебе!»

Наконец, Евгений подошёл к двери нужной квартиры и аккуратно нажал на кнопку дверного звонка, после чего принялся ожидать того момента, когда его пассия откроет ему дверь. И ему не пришлось долго ждать его! Очень скоро, буквально через маленькую скромную минутку, Анастасия отодвинула щеколду и показалась на пороге.

– Женя, ты чего так поздно, я тебя уже заждалась! – искренне рассмеялась девушка и шагнула назад, позволив парню пройти в прихожую.

– Но... как ты узнала, что я приду сегодня? – удивлённо спросил он, напрочь забыв про недавно купленные подарки. – Я точно помню, что ни слова не говорил тебе о том, что собираюсь навестить тебя!

– Да-да, память тебе не изменяет, но, вот, ты не учёл того, что Валентина Валерьевича очень легко разговорить! Он-то и выдал мне все твои планы! – игриво посмотрела Настя на него с милой кошачьей улыбкой. – Ты вообще мог рассказать всё сразу мне, что хочешь весь выходной день гулять по городу, я бы всё поняла!

После этих слов Женя облегчённо вздохнул – всё-таки не все его планы Валентин Валерьевич выдал, настоящий мужской поступок!

– В следующий раз так и скажу! – сказал юноша и встал напротив неё, держа в руках букет красивых цветов и коробку конфет, про которые пару мгновений назад благополучно забыл.

– Ты опять забыл про подарки! – очень ласково промолвила Настя, легонько посмеявшись.

– Ой, точно! Прости меня, я просто... не о том задумался! – в спешке промолвил Евгений и вручил купленные этим утром подарки.

– Ничего страшного! Тем более ты такой работающий человек, постоянно в делах, трудно не забыть что-то из-за такой загруженности. Кстати, спасибо большое за цветы и конфеты, это очень мило! – приняла она букет и коробку, после чего, поцеловав парня в щёчку, пошла к себе

в комнату. – Можешь подождать меня на кухне, пока я одеваюсь? А ещё, куда мы пойдём? У тебя же точно есть какой-то заранее подготовленный план действий!

– Тебе придётся подождать, моя нетерпеливая, ведь сюрпризы должны оставаться сюрпризами! – очень таинственно произнёс Евгений, после чего прошёл на скромную кухню, где стояло всё только самое нужное без каких-либо удивительных устройств и украшений, изредка помогающими в готовке.

Правда, присутствовала в этом царстве кулинарии одна крайне интересная вещь, способная умилить даже самого равнодушного человека. На стене, у которой стоял средний по размерам прямоугольный стол, висела гирлянда, светившаяся в темноте приятным бледно-лиловым светом, а на ней располагались совместные фотографии этой парочки, а также несколько семейных фото и крошечных портретов, заказанных у одного уличного художника, весьма знаменитого, стоит сказать. Некоторые картинки были сделаны с помощью фотоаппарата, одолженного у друзей, умевших находить всякие интересные приспособления, а некоторые – в специальной будке, стоявшей в каждом крупном торговом центре, шедшего в ногу со временем.

«Эту фотографию мы сделали под конец нашего первого свидания, эти – в парке аттракционов, недавно открывшемся на тот момент, а на этой мы запечатлели свой первый поцелуй...» – воспоминания накатывали на Женю огромной волной, уничтожавшей на своём пути всякие преграды. Он мило улыбался, разглядывая остановившиеся во времени моменты, и мысленно благодарил судьбу за то, что та свела его с этой прекрасной девушкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.